

Стеклянный меч
Виктория Авеярд

Young Adult. Мировой бестселлер Виктории АвеярдАлая королева #2
Культовый мировой бестселлер.

Кровь Мэры Бэрроу красная, как у простых людей, но девушка обладает могущественной силой Серебряных. Сбежав от принца-предателя, Мэра попадает в новую западню. Свобода оказалась тюрьмой. Чтобы спасти не только собственную жизнь, но и новокровок, тех, кто, как и она, владеет необычными навыками, Мэра должна поднять восстание. Но в поисках возмездия Мэра понимает, что ее собственное сердце превратилось в камень. Не ведающая жалости и страха Алая королева сама становится чудовищем, едва ли не более кровожадным, чем то, которое заняло трон...

РОМАН ПЕРЕВЕДЕН на 40 ЯЗЫКОВ!

Лучшая книга года по версии Goodreads.com.

Виктория Авеярд

Стеклянный меч

Glass Sword

Copyright © 2016 by Victoria Aveyard

Jacket art © 2016 by Toby & Pete

Jacket design by Sarah Nichole Kaufman

Endpapers illustrated by Amanda Persky

All rights reserved. No part of this book may be used or reproduced in any manner whatsoever without written permission except in the case of brief quotations embodied in critical articles and reviews

© Сергеева В. С., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Я вздрагиваю. Тряпка, которую она мне подает, чистая, но по-прежнему пахнет кровью. Впрочем, чего я волнуюсь? Вся моя одежда в крови. Красная – разумеется, моя. Серебряная принадлежит другим. Эванжелине, Птолемусу, нимфу... всем тем, кто пытался убить нас на арене. Наверное, есть тут и кровь Кэла. Он чуть не умер там, на песке, избитый и израненный нашими несостоявшимися палачами. А теперь он сидит напротив и смотрит в пол, позволяя ранам медленно исцеляться самим собой. Я гляжу на один из многочисленных порезов у себя на руках (это постаралась Эвангелина). Он еще свежий и достаточно глубокий – наверное, останется шрам. Отчасти мне даже приятно. Эту неровную рану не уберут, как по волшебству, холодные пальцы целителя. Мы с Кэлом больше не в мире Серебряных, где кто-нибудь может с легкостью стереть наши честно заработанные шрамы. Мы сбежали. Ну или, по крайней мере, я сбежала. Цепи Кэла зримо напоминают о том, что он пленник.

Фарли слегка подталкивает меня, но ее прикосновение на удивление ласково.

– Закрой лицо, девочка-молния. Вот что им нужно.

В кои-то веки я делаю, что велят. Остальные следуют моему примеру и закрывают красными повязками рты и носы. Только Кэл остается с открытым лицом, но ненадолго. Он не сопротивляется, когда Фарли завязывает на нем маску. Теперь принц выглядит, как один из нас.

О, если бы.

Электрическое гудение воспламеняет мою кровь, напоминая о пульсирующем, скрипящем поезде подземки. Он неумолимо несет нас вперед, направляясь к городу, который некогда был гаванью. Поезд мчится, визжа колесами по древним рельсам, как быстр, пожирающий пространство. Я прислушиваюсь к скрежету металла – он отдается глубоко в костях, где угнездились холод и боль. Мои гнев и сила, которые проявились там, на арене, кажутся далекими воспоминаниями – от них остались только мука и страх. Не могу даже вообразить, о чем сейчас думает Кэл. Он потерял все – все, что ему когда-либо было дорого. Отца, брата, королевство. Понятия не имею, как он сейчас держится и чего ему стоит сидеть неподвижно, лишь покачиваясь от движений поезда.

Не нужно объяснять причины спешки. Фарли и ее гвардейцы, напряженные, как пружина, служат достаточным объяснением. Мы спасаемся бегством.

Мэйвен уже проделал этот путь однажды – и он вернется. На сей раз с армией солдат, своей матерью и короной. Вчера он был принцем, сегодня стал королем. Я думала, что он мой друг, мой нареченный... теперь я знаю правду.

Некогда я доверяла ему. Теперь я научилась ненавидеть и бояться Мэйвена. Он погубил своего отца ради короны и подставил собственного брата. Он знает, что радиация, окружающая разрушенный город, – это ложь, фокус. Он знает, куда направляется поезд. Убежище, которое выстроила Фарли, перестало быть безопасным. Во всяком случае, для нас. «Для тебя».

Возможно, мы направляемся прямо в ловушку.

Меня крепко обхватывает чья-то рука. Шейд ощутил мою тревогу. По-прежнему не верится, что мой брат здесь, живой и, самое странное, такой же, как я. Одновременно Красный и Серебряный – сильнее тех и других.

– Я не позволю им снова отнять тебя, – бормочет он так тихо, что я едва слышу его слова. Очевидно, верность кому-либо за пределами Алой гвардии, даже родным, не приветствуется. – Обещаю.

Присутствие брата успокаивает меня и возвращает в прошлое, до того как Шейда призвали. Я вспоминаю дождливую весну, когда мы еще могли притворяться детьми. Тогда не было ничего, кроме грязи, родной деревни и нашей дурацкой манеры не думать о будущем. Теперь я только о нем и думаю, пытаюсь понять, какую судьбу навлекли на нас мои поступки.

– И что мы теперь будем делать? – Я обращаюсь с вопросом к Фарли, но взглядом ищу Килорна.

Он стоит рядом с ней, словно верный страж, в окровавленных бинтах, стиснув зубы. С ума сойти, совсем недавно он был учеником рыбака. Как и Шейд, Килорн выглядит здесь неуместно. Призрак давних времен.

– Всегда есть от чего бежать, – отвечает Фарли, не сводя глаз с Кэла.

Она ожидает, что он будет бороться, сопротивляться, но он не делает ничего.

– Не оставляй Мэру, – приказывает она после долгого молчания, повернувшись к Шейду. Брат кивает, и его ладонь на моем плече тяжелеет. – Мы не можем ее потерять.

Я не генерал, не великий стратег, но логика Фарли ясна. Я – девочка-молния, живое электричество, небесный огонь в человеческом обличье. Люди знают, как меня зовут, как я выгляжу и на что способна. Я – ценна, я – могуча, и Мэйвен пойдет на что угодно, чтобы помешать мне нанести ответный удар. Понятия не имею, как мой брат сумеет защитить меня от чудовищного нового короля, пусть даже мы с Шейдом похожи, пусть он быстрее всех на свете. Но я должна верить, хоть это и кажется чудом. В конце концов, я повидала столько невозможных вещей. Еще один побег – сущие пустяки.

Щелчки затворов эхом разносятся по поезду: Алая гвардия готовится. Килорн придвигается ко мне, слегка покачиваясь. Его рука крепко сжимает винтовку, висящую на груди. Он опускает глаза и слегка смягчается, даже пытается ухмыльнуться, повеселить меня, но его ярко-зеленые глаза серьезны и полны страха.

Кэл, напротив, сидит тихо, почти безмятежно. Хотя ему как раз и есть чего бояться – он скован, окружен врагами, ненавидим собственным братом – держится принц спокойно. Неудивительно. Он прирожденный солдат. Война – это то, что Кэл понимает, а мы сейчас, несомненно, на войне.

– Надеюсь, ты не намерена сражаться, – говорит он, раскрыв рот впервые за долгое время. Кэл смотрит на меня, но его резкие слова обращены к Фарли. – Надеюсь, ты намерена бежать.

– Не трать силы, Серебряный, – отвечает та, расправив плечи. – Я знаю, что нам делать.

Я не в силах удержаться.

– Он тоже знает.

Взгляд, который Фарли устремляет на меня, полон пламени, но я видала и пострашнее. Я и бровью не веду.

– Кэл знает, как они дерутся. Он знает, каким образом они попытаются остановить нас. Используй его.

«Каково это, когда тебя используют?» Он бросил эти слова мне в лицо в тюрьме под Чашей Костей, и в ту минуту я хотела умереть. А теперь боль еле ощутима.

Фарли молчит, и Кэлу этого достаточно.

– У них есть драконы.

Килорн смеется.

– Серьезно?

– Я имею в виду самолеты, – отвечает Кэл, и его глаза искрятся отвращением. – Оранжевые крылья, серебряный корпус, один-единственный пилот. Легкая, маневренная машина, в самый раз для атаки на город. Каждый такой самолет несет четыре бомбы. Каждая эскадрилья – это сорок восемь снарядов, от которых вам придется увернуться, плюс легкое вооружение. Вы справитесь?

Ответом ему – тишина. Нет, не справимся.

– Драконы – меньшая из наших проблем. Они будут просто кружить и охранять периметр, удерживая нас на месте, пока не подспеют войска.

Он опускает глаза и задумывается. Кэл пытается понять, как поступил бы, будь он на другой стороне. Будь он, а не Мэйвен, королем.

– Они окружат нас и предъявят условия. Мэра и я – в обмен на вашу свободу.

Еще одна жертва. Я медленно втягиваю воздух. Утром – и вчера – пока не случилось всего этого безумия – я бы охотно пожертвовала собой, чтобы спасти хотя бы Килорна и Шейда. Но теперь... теперь я знаю, что отличаюсь от остальных. Теперь мне нужно защищать других. Теперь я не могу погибнуть.

– Мы не согласимся, – отвечаю я.

Горькая правда. Взгляд Килорна буквально давит на меня, но я не поднимаю глаз. Я не в силах вынести его осуждение.

Кэл не настолько резок. Он кивает, соглашаясь со мной.

– Король и не ожидает, что мы сдадимся, – произносит он. – Самолеты обрушат остатки зданий нам на головы, а солдаты подчистят выживших. Это будет просто бойня.

Фарли – воплощенная гордость, даже теперь, когда ее загнали в угол.

– А что ты предлагаешь? – спрашивает она полным презрения голосом, склонившись к Кэлу. – Всем сдаться?

На лице принца возникает нечто похожее на отвращение.

– Все равно Мэйвен вас убьет. В тюрьме или на поле боя, но он никого не оставит в живых.

– Тогда лучше мы умрем, сражаясь. – Голос Килорна звучит с необычайной силой, хотя руки у него дрожат.

Он неотличим от остальных мятежников – и готов умереть за общее дело, – но все-таки моему другу страшно. Он по-прежнему мальчик, которому едва исполнилось восемнадцать, ему есть ради чего жить – и слишком мало поводов умирать.

Кэл хмыкает в ответ на эту наигранную смелость, но больше ничего не говорит. Он знает, что красочное описание нашей неминуемой гибели не поможет делу.

Фарли не разделяет его чувств и отмахивается от обоих. Мой брат, у меня за спиной, тоже держится весьма уверенно.

Они знают что-то, чего не знаем мы, что-то, чего они пока не скажут. Мэйвен нас всех научил, какова цена обманутого доверия.

– Сегодня умрем не мы, – вот и все, что говорит Фарли, а потом отправляется в головной вагон.

Ее ботинки стучат по металлическому полу, как молотки, и каждый шаг полон упрямой решимости.

Я чувствую, что поезд замедляет ход – ощущаю изнутри. Электричество слабеет, затихает: мы подъезжаем к подземной станции. Понятия не имею, что ждет нас в небе над головой – белый туман или самолеты с оранжевыми крыльями. Но остальные, кажется, не волнуются – и весьма целеустремленно выходят из поезда. Молчаливые, вооруженные бойцы Гвардии в масках похожи на настоящих солдат, но я-то знаю, что это не так. Им не справиться с тем, что нас ждет.

– Готовься, – шепчет Кэл, и я вздрагиваю.

Я вспоминаю давно минувшие дни. Наш танец в лунном свете.

– Не забывай, какая ты сильная.

Килорн проталкивается ко мне и разделяет нас, прежде чем я успеваю сказать Кэлу, что моя сила и мои способности – это все, в чем я сейчас уверена. Электричество в моих жилах – единственное, на что я готова положиться.

Мне хочется верить Алой гвардии, особенно Шейду и Килорну, но я не позволяю себе расслабиться – после того ужаса, в который нас втянуло мое решение довериться Мэйвену, моя слепота. И Кэл в любом случае стоит за чертой. Он пленник, Серебряный, враг, который предаст Гвардию, если сможет... если ему будет куда бежать.

Но тем не менее меня по-прежнему тянет к нему. Я помню невеселого парня, который дал мне серебряную монетку, когда я была ничем. Одним движением он изменил мое будущее и разрушил свое.

Мы союзники – наши узы нележки, они скреплены кровью и предательством. Мы связаны, мы едины – против Мэйвена, против всех, кто обманул нас, против мира, который вот-вот рассыплется на части.

Нас встречает тишина. Серый, сырой туман висит над руинами Наэрсси – небо так низко, что, кажется, можно его потрогать. В воздухе чувствуется холод осени – времени перемен и смерти. Ничто пока не летает в небе, нет ни единого самолета, готового уничтожить и без того разоренный город. Быстро шагая, Фарли выходит со станции на широкую безлюдную улицу. Разрушенные здания высятся над нами, как стены каньона – они словно стали еще серее и запущеннее.

Мы идем по улице на восток, к гавани, окутанной туманом. Над улицей нависают высокие, наполовину обрушившиеся строения; их окна – точно глаза, которые наблюдают за нами. Возможно, в пустых проемах и темных арках ждут Серебряные, намеренные уничтожить Алюю гвардию. Возможно, Мэйвен заставит меня смотреть, как он перебьет мятежников одного за другим. Он не позволит мне умереть быстро и чисто. «Или еще хуже, – думаю я. – Он вообще не позволит мне умереть».

От этой мысли у меня стынет кровь, словно ее превратили в лед. Сколько бы Мэйвен ни лгал мне, я видела уголок его души. Я помню, как он схватил меня сквозь прутья решетки дрожащими руками. Помню имя, которое он хранит в памяти, имя, которое дает понять, что в нем по-прежнему бьется живое сердце. «Его звали Томас, и я видел, как он умер». Мэйвен не сумел спасти того парня. Но он может спасти меня, хоть и на свой извращенный лад.

Нет. Я не доставлю ему такой радости. Лучше умру.

Но, как бы я ни старалась, я не могу забыть того человека, каким его считала. Зброшенный, позабытый мальчик. Жаль, что ТАКОГО Мэйвена не существует. Жаль, что он живет только в моих воспоминаниях.

В развалинах Наэрсси эхо звучит слабо – тише, чем следовало бы. И я вдруг понимаю, почему. Все изгнанники пропали. Женщина, подметавшая пепел, дети, прятавшиеся в канавах, тени моих Красных братьев и сестер... они все бежали. Здесь нет никого, кроме нас.

– Думай о Фарли что угодно, но знай, что она не глупа, – говорит Шейд, отвечая на мой вопрос, прежде чем я успеваю его задать. – Вчера ночью, когда мы сбежали из Археона, она велела остальным эвакуироваться. Фарли боялась, что ты или Мэйвен заговорите под пыткой.

Она ошиблась. Не было нужды пытаться Мэйвена. Он и так свободно рассказал все, что знал. Он открыл свои мысли матери и позволил ей заграбастать то, что она там увидела. Подземка, потайной город, список имен. Теперь все это принадлежит королеве, как всегда принадлежал и Мэйвен.

За нами тянется вереница бойцов Алой гвардии – беспорядочная компания вооруженных мужчин и женщин. Килорн шагает позади меня, глядя по сторонам. Фарли идет первой. Следом за ней двое коренастых мужчин ведут Кэла, крепко держа его за руки. В своих красных повязках они похожи на ночные кошмары. Но нас теперь так мало, не больше тридцати, и все ранены. Немногие уцелели.

– Нам не хватит сил, чтобы продолжать восстание, даже если мы спасемся, – шепотом говорю я брату.

Низко висящий туман заглушает мой голос, но Шейд все слышит.

Уголок его губ вздрагивает – брат слегка улыбается.

– Это не твоя забота.

Прежде чем я успеваю задать вопрос, идущий перед нами боец останавливается. И не только он. Фарли вскидывает кулак, гневно глядя в свинцово-серое небо. Остальные следуют ее примеру и высматривают то, чего пока не видно. Только Кэл не отрывает взгляда от земли. Он и так знает, как выглядит наша погибель.

Сквозь туман доносится далекий, нечеловеческий визг. Это непрерывный механический звук, который движется кругами. И источник этого звука не один. Двенадцать стрелообразных силуэтов несутся по небу – их оранжевые крылья показываются в просветах облаков. Я никогда еще не видела самолеты в подробностях, так близко и без прикрытия ночи, поэтому невольно раскрываю рот при их появлении. Фарли отрывисто отдает приказы своим людям, но я ее не слышу. Я смотрю наверх, на крылатую смерть, которая кружит над головой. Как и мотоцикл Кэла, эти летучие машины прекрасны – сплошь изогнутая сталь и стекло. Наверное, над их конструкцией поработал магнетрон – а как еще железо может летать? Под крыльями блестят окрашенные в синий цвет моторы, красноречивый признак электричества. Я слегка ощущаю их, совсем как дыхание на коже, но ничего поделать не могу – они слишком далеко. Остается лишь в ужасе наблюдать.

Они воют и кружат над островом Наэрс, не разрывая круга. Можно решить, что они безобидны – просто любопытные птицы, которые слетелись посмотреть на разгромленных мятежников. А потом над головой проносится кусок серого металла, двигаясь так быстро, что его почти невозможно разглядеть, и оставляя за собой дымный хвост. Он врывается в здание дальше по улице и исчезает в разбитом окне. В следующую секунду вздымается столб красно-оранжевого пламени. Взрыв уничтожает целый этаж и без того разрушенного строения. Оно начинает заваливаться, и тысячелетние сваи ломаются, как спички. Здание наклоняется и падает – так медленно, что это кажется нереальным. Когда оно обрушивается на мостовую, загородив нам дорогу, грохот отдается у меня в груди. Нас окутывает облако дыма и пыли, но я не съеживаюсь. Теперь меня такими пустяками не напугаешь.

В серо-коричневой дымке рядом со мной стоит Кэл – стоит прямо, пусть даже его охранники пригибаются. Наши глаза на мгновение встречаются – и он уныло опускает плечи. Это единственный жест отчаяния, который он позволяет себе сделать.

Фарли хватает ближайшего соратника и заставляет подняться на ноги.

– Врассыпную! – кричит она, указывая на переулки по обе стороны от нас. – Бегите на северную сторону, к туннелям!

Она говорит и одновременно указывает пальцем, показывая, куда бежать.

– Шейд, в парк!

Брат кивает, поняв, что она имеет в виду. Еще один снаряд ударяет в ближайшее здание, заглушив голос Фарли. Но нетрудно догадаться, что именно она кричит.

БЕГИТЕ.

Отчасти мне хочется остаться на месте, не отступать, драться. Мои фиолетово-белые молнии, несомненно, сделают меня хорошей мишенью и отвлекут самолеты от рассыпающихся беглецов. Но это невозможно. Я стою дороже остальных, я – ценнее, чем алые маски и платки. Мы с Шейдом должны выжить – если не ради общего дела, то ради других. Ради сотен таких, как мы – гибридов, аномалий, странных людей, невозможного сочетания Красной и Серебряной крови. Ради тех, кто, несомненно, умрет, если нас не станет.

Шейд понимает это не хуже, чем я. Он берет меня под руку, до боли крепко. Так легко бежать рядом с братом, позволяя увести себя с широкого проспекта в серо-зеленую путаницу разросшихся деревьев, которые заполнили улицы. Чем дальше мы уходим, тем гуще заросли. Деревья искривились и сплелись, как уродливые пальцы. Тысячелетнее небрежение превратило небольшой парк в глухие джунгли. Они заслоняют нас от нападения с неба – мы лишь слышим, как самолеты кружат все ближе и ближе. Килорн не отстает. На мгновение мне кажется, что мы снова дома и бродим по Подпорам, ища развлечений и неприятностей на свою голову. Но, похоже, неприятности – это все, что мы найдем.

Когда Шейд наконец останавливается, прочертив каблуками бороду в пыли, я оборачиваюсь. Килорн, с бесполезно торчащей вверх винтовкой, тормозит рядом. Больше никого нет. Я не вижу ни улицы, ни алых лоскутьев, исчезающих среди развалин.

Мой брат гневно смотрит вверх сквозь ветви, выжидая, когда самолеты уберутся подальше.

– Куда мы идем? – запыхавшись, спрашиваю я.

Вместо Шейда отвечает Килорн:

– К реке. Потом к причалу. Ты сможешь нас перенести?

Он смотрит на руки Шейда, словно его способность можно увидеть воочию. Но сила Шейда скрыта, как и моя, – она остается незримой, пока он ее не обнаружит.

Брат качает головой.

– Только не одним прыжком. Слишком далеко. И я бы предпочел бежать, а не тратить силу. – Его глаза темнеют. – Пока она нам реально не понадобится.

Я киваю в знак согласия. Я прекрасно знаю, что такое исчерпать способность, устать до изнеможения, так что нет сил двигаться, уж тем более драться.

– Куда повели Кэла?

От моего вопроса Килорн вздрагивает.

– Да какая мне разница.

– Напрасно, – огрызаюсь я, пусть даже мой голос дрожит от сомнений.

«Килорн прав. И тебе не стоит волноваться. Если принц пропал, пусть будет так».

– Кэл может вытащить нас отсюда. Он может сражаться вместе с нами.

– Он сбежит или примется убивать нас в ту секунду, когда мы дадим ему такой шанс, – резко отзывается Килорн и срывает платок, под которым – гневно искривленные губы.

Я мысленно вижу огонь Кэла. Он сжигает все на своем пути, и железо, и плоть.

– Он уже мог бы вас поубивать, – возражаю я.

Это не преувеличение – и Килорн знает, что я права.

- А я думал, вы уже переросли свои детские ссоры, - замечает Шейд, вставая между нами. - Я ошибся.

Килорн извиняется сквозь стиснутые зубы, а я нет. Я не свожу глаз с самолетов, впуская в себя биение их электрических сердец. Оно слабеет с каждой секундой - они удаляются.

- Кажется, закончилось. Если мы хотим идти, надо двигаться сейчас.

И мой брат, и Килорн смотрят на меня как-то странно, но не спорят.

- Сюда, - говорит Шейд и указывает между деревьев.

Там вьется маленькая, почти незаметная тропинка - с нее смели пыль, обнажив камень и асфальт. И снова Шейд берет меня под руку, а Килорн идет впереди, задав достаточно быстрый темп.

Ветки, нависающие над узкой тропой, задевают нас, и вскоре уже становится невозможно бежать бок о бок. Но, вместо того чтобы выпустить мою руку, Шейд лишь прижимается теснее. И вдруг я понимаю, что он вовсе не прижимает меня к себе. Это сам воздух... мир. Одно обжигающее черное мгновение - и все вокруг сжимается. А потом - секунду спустя - мы оказываемся по ту сторону зарослей и поворачиваемся к Килорну, который возникает из серой чащи.

- Но он же был впереди, - говорю я, глядя то на Шейда, то на тропу.

Мы выходим на середину улицы. Над головой плывут облака и дым.

- Ты...

Шейд ухмыляется. И это кажется адски неуместным на фоне далекого завывания самолетов.

- Скажем так, я... прыгнул. Пока ты держишься за меня, мы будем прыгать вместе, - отвечает он и спешно направляет нас в ближайший переулок.

Мое сердце бешено колотится: с ума сойти, я только что телепортировалась. Я почти забываю о нашем затруднительном положении.

Но самолеты живо о нем напоминают. Еще один снаряд взрывается севернее, обрушив здание с грохотом, подобным землетрясению. Пыль катится по переулку волной, покрывая нас новым слоем серого. Дым и огонь стали настолько привычны мне, что я их почти не чувствую, даже когда пепел начинает сыпаться, как снег. Мы оставляем в нем следы. Может быть, это последние знаки нашего пребывания на земле.

Шейд знает, куда бежать. Килорн без труда успевает за нами, даже с тяжелой винтовкой на плече. Сделав круг, мы вернулись к проспекту. На востоке сквозь дым и пыль пробивается пятнышко солнечного света, неся с собой соленый запах моря. На западе, как павший великан, лежит первое рухнувшее здание, загораживая путь к подземке. Вокруг громоздятся разбитое стекло, какие-то железные конструкции, обломки выцветших белых экранов. Разрушенный дворец.

«Что тут было? - отстраненно задумываюсь я. - Джулиан сказал бы». Достаточно вспомнить его имя, чтобы ощутить боль, но я справляюсь с собой.

Среди облака пыли мелькают несколько красных лоскутьев, и я ищу знакомый силуэт. Но Кэла нигде нет, и мне вдруг становится дико страшно.

- Я никуда не пойду без него.

Шейд даже не удосуживается уточнить, о ком речь. Он и так знает.

- Принц пойдет с нами. Даю тебе слово.

У меня буквально рвется сердце, когда я отвечаю:

- Я не верю твоему слову.

Шейд - солдат. Его жизнь не назовешь легкой, и он хорошо знает, что такое боль. Тем не менее мое заявление глубоко ранит брата. Это видно по лицу.

Я обещаю себе, что извинюсь. Потом.

Если «потом» настанет.

Над нами пролетает еще один снаряд и падает парой улиц дальше. Далекий грохот взрыва не заглушает более резкий и жуткий звук, который вдруг раздается со всех сторон.

Топот тысячи марширующих ног.

Глава 2

В воздухе висит густая пелена пепла, и у нас есть несколько секунд, чтобы оценить ситуацию. Смутные силуэты солдат движутся по улицам с севера. Я еще не вижу ружей, но Серебряной армии не нужны пули, чтобы убивать.

Другие бойцы Алой гвардии бегут, обгоняя нас; они со всех ног мчатся по проспекту. Пока что бегство выглядит небезнадежным - но куда им деваться? Дальше только река, а потом море. Некуда идти, негде укрыться. Солдаты приближаются медленно, странно шаркая ногами. Я вглядываюсь в облако пыли, напрягая зрение, чтобы разглядеть атакующих. А потом понимаю, что это такое. Что сделал Мэйвен. Ужас воспламеняет меня, так что Шейд и Килорн отскакивают.

- Мэра! - восклицает брат, наполовину удивленный, наполовину рассерженный.

Килорн не говорит ни слова, просто смотрит, как я пошатываюсь.

Моя рука касается его руки, и он не вздрагивает. Мои искры уже погасли - Килорн знает, что я не причиню ему боли.

- Смотри, - говорю я.

Мы знали, что солдаты придут. Кэл сказал нам, предупредил, что Мэйвен пошлет вслед за самолетами легион. Но даже Кэл этого не предвидел. Только такая извращенная натура, как Мэйвен, могла придумать этот кошмар.

Люди в первом ряду одеты вовсе не в дымчато-серую форму превосходно натренированных Серебряных солдат. Это вообще не солдаты. Это - слуги в красных ливреях, красных шалях, красных рубахах, красных штанах, красных

ботинках. Море красного цвета. Как будто они истекают кровью. А на ногах у них железные цепи, которые со звоном волочатся по земле. Этот звук скребет по нервам, заглушая шум самолетов, взрывы и даже резкие окрики Серебряных офицеров, которые прячутся за стеной Красных. Я слышу только лязг цепей.

Килорн рычит. Он делает шаг вперед и вскидывает винтовку, но оружие дрожит в его руках. Солдаты все еще на другом конце проспекта, слишком далеко для меткого выстрела, даже не будь при них живого щита. Теперь все еще хуже, чем невозможно.

- Нельзя останавливаться, - негромко произносит Шейд.

В его глазах пылает гнев, но он знает, что должно быть сделано и чем придется пренебречь, чтобы выжить.

- Килорн, или ты с нами, или останешься здесь.

Мой брат говорит резко, и я прихожу в себя от шока и ужаса. Килорн не трогается с места, и тогда я беру его за руку и шепчу на ухо, надеясь заглушить лязг цепей:

- Килорн...

Таким тоном я говорила с мамой, когда моих братьев забирали на войну, когда у папы случался приступ удушья, когда ничего не получалось.

- Килорн, мы ничем не можем им помочь.

Он выговаривает сквозь зубы:

- Неправда.

И смотрит на меня.

- Ты должна что-нибудь сделать. Спаси их...

Мне бесконечно стыдно, но я качаю головой.

- Не могу.

Мы бежим дальше. И Килорн следует за нами.

Взрываются снаряды, с каждой секундой все чаще и ближе. Звон в ушах заглушает остальные звуки. Железо и стекло колышутся, как камыш на ветру, изгибаясь и ломаясь. На нас обрушивается жгучий серебряный дождь. Вскоре бежать становится слишком опасно, и Шейд крепче хватается меня за руку. Он хватается и Килорна, и мы, все трое, совершаем прыжок, в ту самую секунду, когда мир рушится. У меня все скручивается в животе всякий раз, когда вокруг смыкается темнота - а вал разрушений настигает нас. Пепел и бетонная пыль застилают глаза. Трудно дышать. Осколки стекла сверкающим вихрем носятся вокруг, оставляя неглубокие порезы на лице и на руках, кромсая одежду. Килорн выглядит хуже, чем я, - бинты у него покраснели от свежей крови, но он не останавливается, стараясь только не обгонять нас. Хватка Шейда не слабеет, но он начинает уставать - каждый новый прыжок отнимает силы. Я не беспомощна - мои искры отражают зазубренную металлическую шрапнель, от которой Шейд не в состоянии нас уберечь. Но наших сил недостаточно даже для того, чтобы спастись самим.

- Сколько еще? - Мой голос звучит слабо, заглушенный грохотом битвы.

Из-за пыли ничего не видно в нескольких шагах. Но ощущений я не утратила. Я чувствую крылья, моторы.. электричество, которое вопит над головой, все приближаясь. Мы похожи на мышей, которые ждут, что ястребы вот-вот выхватят их из травы.

Шейд резко останавливается, переводя взгляд своих медовых глаз туда-сюда. На одно пугающее мгновение мне кажется, что он заблудился.

- Подождите, - говорит брат.

Шейд знает что-то, чего не знаем мы.

Он смотрит вверх, на скелет некогда огромного здания. Оно массивнее и выше, чем самая высокая башня Замка Солнца, шире, чем огромная площадь Цезаря в Археоне. По моей спине пробегает дрожь, когда я понимаю, что оно движется. Вправо-влево, с боку на бок, покачиваясь на гнущихся опорах, изъеденных временем. На наших глазах оно начинает крениться, сначала медленно, как старик, который садится в кресло. Потом быстрее и быстрее, угрожая рухнуть нам на головы.

- Держитесь за меня! - велит Шейд, перекрывая шум, и поудобнее ухватывает нас обоих.

Одной рукой он обвивает мои плечи и прижимает меня к себе, до боли крепко. Я предвкушаю неприятное ощущение прыжка, но ничего не происходит - не считая весьма знакомого звука.

Выстрел.

На сей раз меня спасла не способность Шейда, а его плоть. Одна пуля, предназначавшаяся мне, попадает ему в плечо, вторая задевает ногу. Он издает гневный вопль и чуть не падает на потрескавшуюся землю. Я чувствую выстрел сквозь тело брата, но страдать от боли некогда. В воздухе поют новые пули, слишком быстрые и многочисленные, чтобы им противостоять. Мы можем лишь бежать, спасаясь одновременно от рушащегося здания и от приближающейся армии. Одно избавляет нас от другого - груды изогнутой стали валится между солдатами и нами. По крайней мере, так должно было случиться. Разрушения и сила тяжести заставили здание рухнуть, но могущество магнетронов не позволяет ему преградить им дорогу. Оглянувшись, я вижу людей с серебристыми волосами и в черных доспехах - их около десятка, и они сметают с пути падающие балки и стальные опоры. Они не настолько близко, чтобы я могла разглядеть лица, но я хорошо знаю Дом Самоса. Эванжелина и Птолемус возглавляют родичей и расчищают улицу, чтобы легион мог двигаться дальше. Они надеются закончить то, что начали, и убить нас всех.

Если бы только Кэл прикончил Птолемуса на арене, если бы я отплатила Эванжелине той же монетой. Тогда у нас, возможно, был бы шанс. Но милосердие имеет свою цену, и эта цена - наша жизнь.

Я цепляюсь за брата, поддерживая его по мере сил. Основная тяжесть приходится на Килорна. Он подпирает крупное тело Шейда, буквально волоча его к воронке, еще дымящейся от взрыва. Мы охотно ныряем в нее, обретая некоторое укрытие от вихря пуль. Но это несерьезно. И ненадолго.

Килорн тяжело дышит, на лбу у него выступает пот. Он отрывает рукав рубашки и перевязывает Шейду ногу. Ткань быстро пропитывается кровью.

- Ты сможешь прыгнуть?

Брат хмурится, но не от боли – он пробует свою силу. Я хорошо это понимаю. Шейд медленно качает головой, и его глаза мрачнеют.

– Пока нет.

Килорн негромко ругается.

– Ну и что нам делать?

Я не сразу понимаю, что он обращается ко мне, а не к моему старшему брату. Не к солдату, который лучше всех нас знает, что такое бой. Но, впрочем, Килорн задает вопрос не Мэре Бэрроу из Подпор, воровке, подруге детства. Он видит перед собой другого человека. Того, кем я стала в залах королевского дворца и на песке арены.

Он задает вопрос девочке-молнии.

– Мэра, что нам делать?

– Бросить меня, вот что, – не дав мне ответить, рычит Шейд сквозь стиснутые зубы. – Бегите к реке, найдите Фарли. А я перепрыгну к вам, как только оклемаюсь.

– Врать ты не умеешь, – говорю я, изо всех сил сдерживая дрожь.

Мой брат совсем недавно вернулся к нам, восстав из мертвых. И я не позволю ему вновь пропасть, ни за что не свете.

– Мы выберемся отсюда вместе. Все.

От поступи легиона гудит земля. Выглянув из-за края воронки, я понимаю, что солдаты меньше чем в ста шагах от нас. Они быстро приближаются. В промежутках между Красными виднеются Серебряные. Пехотинцы, одетые в дымчато-серую солдатскую форму. Но есть и те, кто в доспехах. Броня украшена фамильными цветами. Это воины из Высоких Домов. Я вижу проблески синего, желтого, черного, коричневого и так далее. Нимфы и тельки, шелка и сильноруки... самые могучие бойцы, каких только можно обратить против Алой гвардии. Они считают Кэла цареубийцей, меня террористкой. Они превратят весь город в прах, чтобы уничтожить нас.

Кэл.

Только кровь моего брата и неровное дыхание Килорна удерживают меня от того, чтобы выскочить из воронки. Я должна найти Кэла. должна. Если не ради себя, то ради нашего дела. Чтобы прикрыть отступление. Он стоит сотни хороших солдат. Кэл – наш золотой щит. Но принц, скорее всего, скрылся, сбежал, расплавив свои оковы. Он удрал, когда город начал рушиться.

«Нет, он не сбежал. Кэл никогда не сбежал бы от этих солдат, от Мэйвена и от меня».

Надеюсь, я права.

Надеюсь, он еще жив.

– Поднимай его, Килорн.

В Замке Солнца покойная леди Блонос научила меня говорить, как подобает настоящей принцессе. Это холодный и властный голос, не терпящий возражений.

Килорн повинуется, но у Шейда еще хватает сил спорить.

- Да я вам только помешаю.

- Потом извинишься, - отвечаю я, помогая брату подняться.

Теперь я едва обращаю на них обоих внимание - мои мысли уже не здесь.

- Шевелитесь.

- Мэра, если ты думаешь, что мы тебя бросим..

Когда я поворачиваюсь к Килорну, в моих руках искры, а в сердце решимость. Слова замирают у него на губах. Он смотрит вверх моей головы, на солдат, которые с каждой секундой все ближе. Тельки и магнетроны разбрасывают усеивающие улицу обломки, расчищая армии путь. Металл скрежест о камень.

- Бегите.

И вновь Килорн повинуется, а Шейду ничего не остается, кроме как скакать рядом, оставив меня. Когда они выбираются из воронки и направляются к реке, я потихоньку начинаю двигаться в противоположную сторону. Ради меня солдаты остановятся. Должны.

Одно жуткое мгновение - и Красные замедляют шаг, звеня цепями. У них за спиной Серебряные вскидывают к плечам черные винтовки, как будто Красных просто не существует. Военные транспорты - огромные машины с гусеничными колесами - со скрежетом останавливаются где-то позади солдат. Я чувствую, как их энергия гудит у меня в жилах.

Солдаты настолько близко, что я слышу отрывистые команды офицеров.

- Это молния! Держать строй, никому ни с места! Целься! Не стрелять!

И самое страшное - напоследок. По внезапно затихшей улице раскатывается голос Птолемуса - знакомый, полный ненависти и гнева.

- Дорогу королю! - кричит он.

Я отступаю на шаг. Я ожидала увидеть здесь солдат Мэйвена, но не его самого. Он не воин, в отличие от Кэла. Зачем ему возглавлять армию? Но вот он, тут, шагает сквозь расступающиеся ряды, а за ним - Птолемус и Эванжелина. Когда Мэйвен, в блестящих черных доспехах и алом шлеме, выходит из-за шеренги Красных, у меня подгибаются колени. Он кажется выше, чем был сегодня утром. На нем по-прежнему отцовская пламенеющая корона, хотя ей нечего делать на поле боя. Наверное, Мэйвен желает продемонстрировать миру, чего добился своей ложью, какую ценную добычу захватил. Даже издали я ощущаю жар его взгляда и бурлящий гнев. Он сжигает меня изнутри.

Затихают все звуки, кроме свиста самолетов над головой.

- Я вижу, ты не утратила смелости, - говорит Мэйвен, и его голос летит по улице, насмешливым эхом разносясь среди развалин. - И глупости.

Как и на арене, я не позволю себе выказать ярость и страх.

- Нужно было назвать тебя девочкой-тишиной, - продолжает Мэйвен и холодно смеется.

Солдаты смеются вместе с ним. Красные молчат, глядя в землю. Они не хотят видеть то, что будет дальше.

- Ну, девочка-тишина, скажи своим друзьям, что все кончено. Они окружены. Пусть вылезают из нор, и я позволю им умереть достойно.

Я не сделала бы этого, даже если бы могла отдать такой приказ.

- Их тут нет.

«Не лги лжецу. Мэйвен в этом настоящий профи».

Тем не менее он, кажется, сомневается. Алой гвардии уже не раз удавалось спастись. Возможно, они сбежали и теперь. Какая досада. Какое неприятное начало правления.

- А где изменник? - резко спрашивает Мэйвен, и Эванжелина подходит ближе к нему.

Ее серебряные волосы сверкают, как лезвие бритвы, даже ярче доспехов. Но Мэйвен отстраняется и отталкивает Эванжелину в сторону, как кошка игрушку.

- Где мой злополучный брат, низложенный принц?

Моего ответа он не слышит - я ничего не могу сказать.

Мэйвен снова смеется, и на сей раз я ощущаю боль в сердце.

- Он тоже тебя бросил? Убежал? Этот трус убил нашего отца и попытался отнять у меня трон - только лишь для того, чтобы удрать и спрятаться?

Он изображает гнев - ради своих приближенных, ради солдат. Им он по-прежнему должен казаться безутешным сыном, королем, который не собирался править и который желает лишь восстановить справедливость во имя павших.

Я гордо вздергиваю подбородок.

- Думаешь, Кэл на это способен?

Мэйвен далеко не дурак. Он зол, но не глуп - и знает своего брата лучше, чем кто-либо на свете. Кэл не трус и никогда не струсит. Сколько ни лги подданным, это ничего не изменит. Мысли Мэйвена читаются в его глазах, когда он обводит взглядом боковые улицы и переулки, отходящие от исковерканного проспекта. В любом из них может прятаться Кэл, ожидая возможности нанести удар. А вдруг я - приманка, предназначенная для хорька, которого некогда называла своим женихом и другом. Когда Мэйвен поворачивается, корона, которая ему великовата, слегка съезжает набок. Даже холодный металл знает, что Мэйвен узурпатор.

- Кажется, ты одна, Мэра, - негромко говорит он.

Несмотря на все, что он сделал со мной, при звуке своего имени я вздрагиваю и вспоминаю минувшие дни. Те времена, когда Мэйвен произносил его ласково и страстно. А теперь оно напоминает проклятие.

- Твои друзья сбежали. Ты проиграла. Ты - скверна, единственная из своего проклятого рода, отмеченная клеймом. Убрать тебя из нашего мира будет милосердием.

Снова ложь – и мы оба это знаем. Я подражаю его холодному смеху. Мы кажемся друзьями. Но все совсем наоборот.

Самолет пронесется низко над нами, буквально касаясь крыльями верхушки ближайшей руины. Он очень близко. Слишком близко. Я слышу его электрическое сердце – гудящие моторы, которые каким-то образом поддерживают самолет в воздухе. Я тянусь к ним изо всех сил, как проделывала уже много раз с лампами, камерами, проводами и электрическими линиями, с тех самых пор, как стала девочкой-молнией. Я цепляюсь за них – и отключаю.

Самолет ныряет носом вниз и мгновение парит на тяжелых крыльях. Изначальная траектория должна была вознести его высоко над проспектом, чтобы защитить короля. Но теперь он падает на солдат, перемахнув через шеренгу Красных и врезавшись в самую гущу Серебряных. Магнетроны из Дома Самоса и тельки из Дома Провоса недостаточно проворны, чтобы удержать махину, которая пропахивает носом улицу, разбрасывая в разные стороны асфальт и людей. Оглушительный взрыв чуть не сбивает меня с ног и заставляет попятиться. Ударная волна оглушает, ошеломляет, обжигает. «Некогда страдать от боли», – звучит в моей голове. Нечто любить хаосом, воцарившимся среди солдат. Я уже бегу – и моя молния со мной.

Фиолетово-белые искры защищают мою спину, прикрывая от быстрых, которые пытаются меня обогнать. Некоторые сталкиваются с молнией, пробуя прорваться ко мне, и валятся наземь кучками дымящейся плоти и подергивающихся костей. Хорошо, что я не вижу их лиц – иначе они будут являться мне в кошмарах. Потом начинают свистеть пули, но я бегу, делая зигзаги, и в меня трудно попасть. Несколько выстрелов ложатся ближе к цели, но пули с визгом разлетаются об щит – точь-в-точь как должно было случиться с моим телом, когда я упала на электрическую сетку во время Выбора королевы. Кажется, это произошло давным-давно. Самолеты в небе снова завывают, на сей раз не приближаясь. Их снаряды ведут себя не так вежливо.

Руины Наэрсии простояли тысячу лет, но сегодняшнего дня они не переживут. Здания валятся, в равной мере сокрушаемые мощью Серебряных и снарядами. Все и вся дали себе волю. Магнетроны гнут и ломают стальные балки, тельки и сильноруки швыряют обломки к пепельному небу. Вода, как кровь, вытекает из сточных труб – нимфы пытаются затопить город, выгнать последних уцелевших мятежников из туннелей под землей. Воеет ветер, сильный как ураган, – в рядах армии есть и повелители воздуха. Вода и пыль засоряют глаза, порывы ветра столь сильны, что я буквально слепну. Истребители взрывами колеблют землю подо мной, и я, растерявшись, падаю. Я к такому не привыкла! Мое лицо встречается с асфальтом, оставляя кровавый след. Как только я поднимаюсь, крик банши, от которого лопаются стекла, вновь швыряет меня наземь, заставляя зажать уши. Снова кровь – она быстро и густо течет сквозь пальцы. Но банши, сбившая меня с ног, случайно спасла мне жизнь. Когда я падаю, очередной снаряд пронесется прямо надо мной, так близко, что я чувствую колебание воздуха.

Он взрывается совсем рядом, и жар волной пробивается сквозь мой торопливо вздвигнутый электрический щит. Я отстраненно задумываюсь, суждено ли мне умереть без бровей. Но, вместо того чтобы сжечь меня дотла, жар останавливается. Неприятно, но терпимо. Сильные руки, до боли обхватив мое тело, поднимают меня на ноги. Светлые волосы блестят в свете огня. Сквозь жгучий вихрь я едва могу разглядеть женское лицо. Это Фарли. Оружия у нее нет, одежда изорвана, мышцы дрожат, но она не ослабляет хватки.

У нее за спиной черным силуэтом на фоне взрывов вырисовывается какая-то знакомая высокая фигура. Этот человек удерживает пламя, вытянув руку.

Оков на нем больше нет – он то ли растопил их, то ли сорвал. Когда он поворачивается, пламя растет; оно лижет небо и разгромленную улицу, но не угрожает нам. Кэл прекрасно знает, что делает: он заставляет огонь огибать нас, как вода огибает камень. Как на арене, он создает непроходимую стену поперек улицы, преграждая путь своему брату и солдатам. Но на сей раз пламя Кэла могуче – оно питается кислородом и гневом. Языки огня вздымаются в воздух, такие горячие, что у основания они имеют призрачно-синий цвет.

Падают еще несколько снарядов, но Кэл вбирает их силу и использует ее, чтобы подкрепить свое пламя. Это почти прекрасное зрелище – как его длинные руки сгибаются и поворачиваются, мерными движениями превращая хаос в щит.

Фарли тащит меня прочь. Она сильнее. Пламя защищает нас; я поворачиваюсь и вижу в сотне метров реку. А еще – Килорна и Шейда, которые, пригнувшись, ковыляют в сторону предполагаемой безопасности.

– Пошли, Мэра, – рычит Фарли, буквально волоча мое избитое, ослабевшее тело.

Несколько секунд я позволяю ей тащить себя. Мне слишком больно, чтобы думать. Но достаточно один раз оглянуться – и я понимаю, что она делает. Что заставляет делать меня.

– Я не уйду без него! – кричу я во второй раз за день.

– По-моему, он и сам отлично справляется, – говорит Фарли, и в ее синих глазах отражается пламя.

Когда-то я думала точно так же. Что Серебряные неуязвимы. Что они – боги во плоти, слишком могущественные, чтобы погибнуть. Но не далее чем сегодня утром я сама убила троих – Арвена, сильнорука Рамбоса и нимфа Озаноса. Возможно, еще несколько Серебряных погибли от молний. А они чуть не прикончили нас с Кэлом. Нам пришлось спасать друг друга на арене.

Теперь нужно сделать это еще раз.

Фарли крупнее, выше и сильнее, зато я проворнее. Даже оглушенная и полумертвая. Одна подсечка, один хорошо рассчитанный толчок – и она пятится и выпускает меня. Тем же движением я разворачиваюсь, вытянув руки и нащупывая в воздухе то, что мне нужно. В Наэрсии гораздо меньше электричества, чем в Археоне или даже в Подпорах, но я не вытягиваю энергию, а создаю ее сама.

Вода, направляемая нимфами, бьется о пламя с мощью приливной волны. Почти вся она превращается в пар, но остатки падают сверху и прибивают высокие языки огня. Я отвечаю ударом электричества, целясь в сталкивающиеся в воздухе стихии. Серебряный легион марширует, устремляясь к нам. Наконец-то скованных Красных отогнали назад, за спины солдат. Мэйвен приближается. Он никому не позволит затормозить себя.

Но его солдаты вместо открытого пространства обнаруживают мои молнии, а за ними из пепла поднимается пламя Кэла.

– Медленно отходи, – говорит Кэл, указывая свободной рукой.

Я подражаю его мерным движениям, стараясь не отводить взгляда от приближающегося рока. Мы чередуемся, прикрывая друг друга. Когда гаснет пламя Кэла, вспыхивают мои молнии, и наоборот. Вдвоем у нас есть шанс.

Кэл коротко отдает приказы: когда сделать шаг, когда создать заслон, когда отпустить. Я никогда еще не видела его таким измученным: на бледной коже отчетливо выделяются темно-синие вены, под глазами залегли серые круги. Я знаю, что, наверное, выгляжу еще хуже. Но заданный им ритм не позволяет нам выложиться полностью – мы успеваем немножко восстановиться ровно к тому моменту, когда нуждаемся в этом.

– Еще чуть-чуть, – говорит Фарли – ее голос эхом доносится из-за спины.

Но она не бежит. Фарли остается с нами, хотя она – обыкновенный человек. «Она гораздо смелее, чем я думала».

– Чуть-чуть – и что? – спрашиваю я сквозь зубы, швыряя в воздух очередную электрическую сетку.

Несмотря на команду Кэла, я сбавляю темп, и сквозь мою защиту пролетает обломок. Он падает в нескольких шагах от меня и рассыпается в пыль. Времени у нас осталось немного.

Но и у Мэйвена тоже.

Я чую запах реки – и океана. Резкий, соленый, он манит, но что будет дальше – я понятия не имею. Знаю лишь, что, по мнению Фарли и Шейда, вода спасет нас от Мэйвена. Но, оглянувшись, я вижу только улицу, которая обрывается прямо над рекой. Фарли стоит и ждет, и ее короткие волосы шевелятся на горячем ветру. «Прыгайте», – произносит она одними губами, прежде чем соскочить с края разбитой мостовой.

«Что такое? Мы должны броситься в бездну?»

– Она хочет, чтобы мы прыгнули! – кричу я Кэлу, повернувшись к нему как раз вовремя, чтобы подкрепить своей молнией стену огня.

Он что-то бормочет в знак согласия, слишком сосредоточенный, чтобы говорить. Как и мои молнии, его огонь слабеет и редет. Сквозь алую завесу уже видны солдаты на другой стороне. Пляшущие языки пламени искажают их черты, превращая глаза в горящие угли, рты в оскаленные пасти, людей в демонов.

Один из них подходит к стене огня – так близко, что он неминуемо должен сгореть. Но он не горит. Пламя раздвигается перед ним, как занавеска.

Только один человек на это способен.

Мэйвен стряхивает угли со своего дурацкого плаща. Шелк превращается в пепел, но доспехи остаются целыми. У него еще хватает наглости улыбаться.

И тут каким-то чудом сила возвращается к Кэлу. Вместо того чтобы разорвать Мэйвена на части голыми руками, он смыкает обжигающе-горячие пальцы у меня на запястье. Мы пускаемся бежать вместе, уже не заботясь о том, чтобы прикрыть спину. Мэйвен не противник нам, и он это знает. Он возмущенно вопит. Невзирая на корону, на пролитую им кровь, он еще так юн.

– Беги, убийца! Беги, девочка-молния! Бегите быстрее и как можно дальше!
– Его смех эхом отдается от рушащихся стен и звенит в ушах. – Нет такого места, где я бы вас не нашел!

Я смутно сознаю, что молнии подводят меня – мой щит слабеет, по мере того как я удаляюсь от него. Гаснет и пламя Кэла. Мы оказываемся на виду у

всего легиона – но тут же прыгаем и летим в реку, которая течет тремя метрами ниже мостовой.

Мы приземляемся – но вместо всплеска слышим громкий лязг металла. Мне приходится перекатиться, чтобы не сломать лоджки, но тем не менее ноющая тупая боль от удара отдается во всех костях. «Что такое?» Фарли ждет, стоя по колено в холодной воде, рядом с каким-то металлическим цилиндром, который открыт сверху. Без единого слова она забирается внутрь и исчезает в этой штуковине, похожей на трубу. Некогда спорить, некогда задавать вопросы – мы молча следуем за ней.

По крайней мере, у Кэла хватает здравого смысла закрыть крышку, оставив реку и побоище позади. Крышка шипит и пневматически замыкается, не пропустив ни капли воды. Но она не защитит нас надолго, не устоит против легиона.

– Снова туннели? – едва дыша, спрашиваю я.

От быстрого бега у меня перед глазами мелькают точки. Я приваливаюсь к стене. Ноги дрожат.

Фарли, как раньше, просовывает руку мне под мышку и принимает мой вес на себя.

– Нет, это не туннель, – отвечает она с загадочной улыбкой.

И тут до меня доходит. Как будто где-то гудит аккумулятор, только большой. Очень сильный. Электричество пульсирует вокруг, в странном коридоре, полном мерцающих кнопок и тусклого желтого света. Я замечаю мелькающие вдали алые платки, которые скрывают лица бойцов Гвардии. Они напоминают пунцовые тени. Вдруг весь этот коридор, издав стон, вздрагивает и... ныряет, устремляясь вниз. В глубину.

– Лодка. Подводная лодка, – говорит Кэл.

Его голос кажется далеким и слабым. Я чувствую себя ничуть не лучше.

Никто из нас не успевает пройти и нескольких шагов. Мы просто сползаем по стене на пол.

Глава 3

Совсем недавно я проснулась в тюремной камере, потом в поезде. Теперь подводная лодка. Где я проснусь завтра?

Мне начинает казаться, что все это сон, или галлюцинация, или еще что-нибудь похуже. Но можно ли во сне ощущать усталость? Я вот ощущаю. Я страшно измучена, до последнего мускула и нерва. У сердца свои проблемы – оно еще кровоточит после предательства и разгрома. Когда я открываю глаза и вижу обступившие меня серые стены, все, о чем мне хочется забыть, возвращается разом. Как будто королева Элара снова проникла в мою голову и воскресила худшие воспоминания. Как бы я ни пыталась, невозможно их отогнать.

Моих молчаливых горничных казнили, хотя они были виноваты только в том, что делали мне макияж. Тристана проткнули копьем, как кабана. Уолш – ровесница Шейда, служанка из Подпор, моя подруга, одна из нас – умерла

страшной смертью, покончив с собой, чтобы защитить Алуя гвардию, наше общее дело и меня. Множество бойцов Гвардии пало в туннелях под площадью Цезаря – причиной их гибели стали солдаты Кэла и наш нелепый план. Воспоминания о пролитой красной крови обжигают душу, но мучительно вспоминать и о серебряной. Лукас, мой друг и защитник, Серебряный с добрым сердцем, казненный за измену, на которую его толкнули мы с Джулианом. Леди Блонос, обезглавленная из-за того, что она учила меня правильно сидеть. Полковник Макантос, Рейнальд Айрел, Беликос Леролан. Люди, принесенные в жертву нашему делу. Мне чуть не становится дурно, когда я вспоминаю сыновей Леролана, четырехлетних близнецов, погибших от взрыва, который последовал за стрельбой. Мэйвен сказал, что это был несчастный случай – пробитый газопровод, – но теперь я знаю, что он солгал. Его злой план уходил корнями слишком глубоко, и это не могло быть простым совпадением. Чем больше жертв, тем лучше, лишь бы убедить мир, что Алая гвардия – скопище чудовищ. Он убьет и Джулиана и Сару. Они, возможно, уже мертвы. Я не в состоянии думать о них.

Наконец мои мысли возвращаются к самому Мэйвену, к его холодным синим глазам, к той минуте, когда я поняла, что он – чудовище с очаровательной улыбкой.

Койка подо мной твердая, одеяло тонкое, подушки нет, но мне хочется лечь и не вставать. Головная боль возвращается – она пульсирует в такт электрическому дыханию необыкновенной лодки. Это недвусмысленное напоминание: мне не будет тут покоя. Не время отдыхать. Еще столько нужно сделать. «Список. Имена. Я должна найти этих людей. Должна спасти их от Мэйвена и его матери». Жар распространяется по моему лицу, щеки горят при воспоминании о маленькой записной книжке Джулиана, полной нелегко добытых тайн. Там перечислены те, кто похож на меня – обладатели странной мутации, которая соединяет Красную кровь и Серебряные способности. Этот список – наследство Джулиана. И мое.

Я спускаю ноги с кровати, чуть не стукнувшись головой о верхнюю койку, и нахожу на полу аккуратно сложенную стопку одежды. Черные брюки слишком длинные, у темно-красной рубашки протерты локти, ботинки без шнурков. Эти обноски не похожи на удобную одежду, которую я обнаружила в темнице, зато приятны на ощупь.

Я едва успеваю натянуть рубашку через голову, когда дверь отсека, висящая на массивных железных петлях, с грохотом распаивается. На пороге, с натянутой мрачной усмешкой, возникает Килорн. Ему не стоило бы краснеть – он каждое лето наблюдал меня в разных степенях неглиже – но тем не менее щеки у него заливаются румянцем.

– Не похоже на тебя – так долго спать, – говорит он, и в голосе Килорна я слышу тревогу.

Я жму плечами и встаю на подгибающихся ногах.

– Мне было нужно выспаться.

В ушах звенит – громко, но не болезненно. Я, как мокрая собака, встряхиваю головой, пытаюсь прийти в себя.

– Это от крика банши, – поясняет Килорн, подходит ко мне и касается моей головы нежными, хотя и мозолистыми руками.

Я подчиняюсь, раздраженно вздохнув. Килорн поворачивает меня туда-сюда и рассматривает окровавленные уши.

– Повезло, что не попало прямо в голову.

- У меня много достоинств, но, кажется, везением я точно не отличаюсь.

- Ты жива, Мэра, - резко говорит он, отстраняясь. - Не все могут похвастать тем же.

Его сердитый взгляд заставляет меня мысленно вернуться в Наэрс, в ту минуту, когда я сказала Шейду, что не верю ему. Где-то в глубине души я знаю, что не верю до сих пор.

- Извини, - поспешно произношу я.

Разумеется, я в курсе, что многие погибли ради нашего дела и ради меня. Но я тоже умерла. Мэры из Подпор не стало в тот самый день, когда она упала на электрический щит. Мариэна, пропавшая много лет назад Серебряная принцесса, погибла в Чаше Костей. И я не знаю, что за новый человек открыл глаза в поезде подземки. Знаю лишь, кем он был и что потерял - и это почти невыносимая тяжесть.

- Ты скажешь мне, куда мы направляемся, или это очередной секрет? - Я стараюсь говорить без горечи в голосе, но тщетно.

Килорну хватает деликатности проигнорировать мой тон; он откидывается назад, прислонившись к двери.

- Мы покинули Наэрс пять часов назад и поплыли на северо-восток. Честное слово, больше я ничего не знаю.

- И тебя это совсем не волнует?

Он просто жмет плечами.

- А с чего ты взяла, что начальство доверяет мне, ну или тебе, раз на то пошло? Ты лучше всех знаешь, сколько глупостей мы наделали и какую цену заплатили.

И вновь я ощущаю боль воспоминаний.

- Ты сама сказала, что не можешь доверять даже Шейду. Сомневаюсь, что в ближайшее время кто-нибудь тут будет делиться секретами.

Эта шпилька оказывается не так болезненна, как я думала.

- Как там Шейд?

Килорн запрокидывает голову, кивком указывая в сторону коридора.

- Фарли устроила отличный маленький лазарет для раненых. Ему лучше, чем многим другим. Здорово ругается, но точно не умирает.

Его зеленые глаза темнеют. Килорн отворачивается.

- Вот только нога...

Я испуганно втягиваю воздух.

- Заражение?

Дома, в Подпорах, заражение равнялось увечью. У нас было мало лекарств; если уж кровь испортилась, оставалось только резать и резать, надеясь обогнать жар и чернеющую плоть.

К моему облегчению, Килорн качает головой.

– Нет. Фарли накачала его лекарствами. И вдобавок Серебряные стреляют чистыми пулями. Очень великодушно с их стороны. – Он мрачно смеется, ожидая, что я к нему присоединюсь.

Однако вместо этого я дрожу. Здесь, внизу, холодно.

– Но некоторое время он будет хромать, – завершает Килорн.

– Ты отведешь меня к брату или мне самой придется искать дорогу?

Снова мрачный смех – и Килорн протягивает руку. К собственному удивлению, я обнаруживаю, что нуждаюсь в его поддержке, чтобы встать и пойти. Наэрс и Чаша костей не прошли для меня даром.

«Подводка» – вот как Килорн называет наше странное судно. Каким образом оно способно плыть под водой – для нас обоих непостижимо, хотя не сомневаюсь, что Кэл сумеет разобраться. Он – следующий в моем списке. Я разыщу его, вот только увижу, что мой брат еще дышит. Я помню, что Кэл был почти без сознания, когда мы спаслись. Но я сомневаюсь, что Фарли отправила его в лазарет, где полно раненых бойцов Алой гвардии. Там слишком много взрывных характеров. Никому не хочется, чтобы в закупоренной железной банке начался ад.

Вопль банши по-прежнему звенит у меня в голове – тупой вой, на который я стараюсь не обращать внимания. С каждым шагом я обнаруживаю у себя новые синяки, новую боль. Килорн замечает, как я морщусь, и замедляет шаг, позволяя мне опереться на его руку. Он не обращает внимания на собственные раны, глубокие порезы, скрытые под свежим слоем бинтов. Руки у него всегда были истерзаны, покрыты синяками и порезами от рыболовных крючков и лески, но то были знакомые раны. Они значили, что все в порядке, что Килорн занят делом и призыв ему не грозит. Если бы не один мертвый рыбак, мелкие шрамы остались бы единственной проблемой.

Некогда эта мысль вселила в меня грусть. А теперь я ощущаю только ярость.

Главный коридор подводки длинен, но узок; его разделяют несколько металлических дверей с массивными петлями и герметичными замками. Они нужны, чтобы перекрывать отсеки, если понадобится. Они не позволят всему судну наполниться водой и затонуть. Но эти двери тем не менее меня не успокаивают. Я постоянно думаю о смерти на дне океана, в замкнутом гробу. Даже Килорн, выросший на воде, кажется, встревожен. Тусклые лампочки на потолке светят странно, отбрасывая тени на его лицо, которое кажется старым и измученным.

Другие бойцы Гвардии как будто нимало не волнуются. Они целеустремленно расхаживают по лодке. Алые шарфы и платки сброшены – я вижу лица, полные мрачной решимости. Люди куда-то несут карты, подносы с медицинскими принадлежностями, бинты, еду, иногда даже оружие, все спешат и переговариваются. Но при виде нас они останавливаются и прижимаются к стенам, давая мне столько места, сколько возможно в узком коридоре. Самые смелые смотрят на меня, пока я хромаю мимо, но большинство держат глаза опущенными.

Некоторым, кажется, очень страшно.

Они боятся меня.

Я хочу поблагодарить их, как-нибудь выразить свою глубокую признательность каждому мужчине и каждой женщине на этом странном судне. «Спасибо за службу» чуть не срывается с моих губ, но я стискиваю зубы, чтобы удержаться. «Спасибо вам за службу» – так пишут в извещениях, в письмах, которые отсылают родителям, сообщая, что их дети погибли на бессмысленной войне. Сколько раз я видела, как люди рыдали над этими словами? И сколько еще родителей получают похоронки теперь, после введения Мер, когда Мэйвен начнет отсылать на фронт совсем юных солдат?

«Нисколько, – говорю я себе. – У Фарли есть план, а еще мы разыщем новокровок – тех, кто похож на меня. Мы что-нибудь придумаем. Мы должны что-то сделать».

Бойцы Гвардии, прижавшись к стенам, негромко переговариваются, когда я прохожу мимо. Даже те, кто не в силах на меня взглянуть, перешептываются, не удосуживаясь понижать голос. Наверное, они считают, что это комплимент.

Эхо перекатывается, отскакивая от железных стен: «Девочка-молния». Эти слова звучат как проклятый шепот Эллары, проникая в мозг. «Девочка-молния. Так она называла меня, так звали меня ОНИ».

Нет. Они ошибаются.

Невзирая на боль, я выпрямляюсь во весь рост.

Я уже не девочка.

Шепот преследует нас всю дорогу до лазарета; там, у закрытой двери, дежурят двое. Они заодно наблюдают и за неуклюжей металлической лестницей, которая уходит в потолок. Другого входа и выхода в этой огромной плавучей пуле нет. У одного из караульных медно-рыжие волосы, совсем как у Тристана, хотя он гораздо ниже ростом. Второй массивен, как валун, у него коричневая кожа, косо прорезанные глаза, широкая грудь и крепкие кулаки, не хуже чем у сильнорука.

Они кивают, завидев нас, но, к моему облегчению, не достаивают меня ничем, кроме взгляда. Вместо этого они поворачиваются к Килорну и ухмыляются ему, как давние приятели.

– Так быстро вернулся, Воррен? – посмеиваясь, спрашивает рыжий и многозначительно играет бровями. – А Лена уже сменилась.

«Лена?» Килорн заметно напрягается, но ни единым словом не выдает своего смущения. Он тоже ухмыляется. Но я знаю его лучше, чем кто бы то ни было, и вижу, что ему неловко. Подумать только, он тут с кем-то флиртовал, пока я лежала без сознания, а раненый Шейд истекал кровью.

– Он и без хорошеньких медсестер не умрет от одиночества, – говорит крепьш.

Его низкий голос разносится по всему коридору и, возможно, достигает помещения, где находится Лена.

– Фарли еще на обходе, если она вам нужна, – добавляет он, указывая большим пальцем на дверь.

– А мой брат? – спрашиваю я, выпустив руку Килорна. Колени у меня чуть не подгибаются, но все-таки я стою. – Шейд Бэрроу.

Улыбки дежурных гаснут, сменяясь официальным выражением лица. Как будто я снова оказалась при дворе. Крепыш хватается за дверь и возится с замком, чтобы не смотреть на меня.

– Он поправляется, мисс... э... миледи.

Услышав этот титул, я ощущаю внезапную пустоту в груди. А я-то думала, что с ним покончено.

– Пожалуйста, зови меня Мэра.

– Конечно, – неуверенно отвечает он.

Хотя мы оба – бойцы Алой гвардии, солдаты, которые сражаются за общее дело, мы – разные. Этот человек, и многие другие, никогда не назовут меня по имени, как бы мне того ни хотелось.

Чуть заметно кивнув, он распахивает дверь, и я вижу широкое помещение, уставленное койками. Некогда здесь находились жилые каюты, а теперь тесно стоящие кровати полны пациентов. Единственный проход полон мужчин и женщин в белых халатах. У многих они забрызганы алой кровью. Одному раненому надо поправить ногу, другому дать лекарство – все слишком заняты, чтобы заметить, как я ковыляю через толпу.

Рука Килорна всегда рядом: он готов поддержать меня, если понадобится, но я опираюсь не на него, а на койки. Если кто-нибудь посмотрит на нас, пусть видит, что я иду сама.

Шейд сидит, прислонившись к одной-единственной тонкой подушке. В основном его поддерживает наклонная металлическая стенка. Ему, скорее всего, неудобно, но глаза у брата закрыты, грудь поднимается и опускается в такт мерному дыханию. Судя по ноге, которая подвешена к потолку на импровизированном противовесе, и по перевязанному плечу, Шейда накачали лекарствами не один раз. Очень тяжело видеть его таким разбитым, пусть даже не далее чем вчера я считала брата мертвым.

– Не надо его будить, – негромко произношу я, ни к кому конкретно не обращаясь и не ожидая ответа.

– Да, пожалуйста, не надо, – отзывается Шейд, не открывая глаза.

Но на его губах появляется знакомая проказливая улыбка. Хотя на израненного брата больно смотреть, у меня невольно вырывается смех.

Это старый трюк. Шейд часто притворялся спящим в школе, или пока родители беседовали шепотом. Я смеюсь, вспоминая, сколько мелких секретов он вызнал таким образом. Я, возможно, прирожденная воровка, зато Шейд – прирожденный шпион. Неудивительно, что в конце концов он оказался в Алой гвардии.

– Подслушиваешь разговоры медсестер? – Колени у меня трещат, когда я присаживаюсь на край койки, стараясь не задеть брата. – Ну как, выяснил, сколько бинтов им удалось припрятать?

Но, вместо того чтобы посмеяться моей шутке, Шейд открывает глаза и ласково притягивает нас с Килорном ближе.

– Медсестры знают больше, чем вы думаете, – говорит он, и его взгляд падает в дальний конец лазарета.

Я поворачиваюсь и вижу Фарли, которая хлопочет над занятой койкой. На ней без чувств лежит женщина, возможно под действием лекарств. Фарли сосредоточенно шупает ей пульс. В тусклом свете шрам особенно выделяется у нее на лице, приподнимая угол рта в мрачной улыбке, прежде чем сползти по шее и исчезнуть под воротником. Судя по всему, его торопливо зашили заново. Ничего красного на Фарли нет, кроме пятна крови на белом сестринском халате и полумытых брызг, покрывающих руки до локтей. За спиной у нее стоит еще один медик, но халат у него чистый, и он что-то торопливо шепчет Фарли на ухо. Она время от времени кивает, хотя ее лицо напряжено от гнева.

- И что ты слышал? - спрашивает Килорн, усаживаясь так, чтобы загородить собой Шейда.

Со стороны кажется, что мы просто поправляем ему повязки.

- Мы направляемся на другую базу. Не на территории Норты.

Я пытаюсь припомнить старую карту Джулиана, но ничего, кроме береговой линии, толком не помню.

- Какой-то остров?

Шейд кивает.

- Называется Так. Судя по всему, небольшой, потому что у Серебряных нет там даже контрольного пункта. Они о нем просто забыли.

Я ощущаю ужас. Мысль о том, чтобы оказаться в изоляции, на острове, без возможности сбежать, пугает меня еще сильнее, чем подводная лодка.

- Но они знают, что он существует. Этого достаточно.

- Фарли, кажется, уверена в тамошней базе.

Килорн громко фыркает.

- Кажется, она считала, что и в Наэрсии безопасно.

- Она не виновата, что мы потеряли Наэрсии, - перебиваю я.

«Это моя вина».

- Мэйвен всех одурачил, Мэра, - говорит Килорн, тыча меня в плечо. - Обманул и нас, и даже Фарли. Мы ему поверили.

При наличии королевы, которая читала чужие мысли, наставляла сына и приспособливала его к нашим надеждам, неудивительно, что нас надули. А теперь Мэйвен стал королем. Теперь он будет обманывать - и контролировать - весь мир. «И что это будет за мир, с чудовищем на троне и с Эларой, которая держит поводок?»

Но я отгоняю эти мысли. Они могут и подождать.

- Фарли больше ничего не сказала? Как насчет списка? Он ведь у нее?

Шейд смотрит через мое плечо и понижает голос.

- Да, но больше ее волнуют те, кто ждет нас на Таке, в том числе мама и папа.

Меня охватывает тепло, живительная энергия счастья. Шейд светлеет при виде моей слабой, но искренней улыбки. Он берет меня за руку.

- И Гиза тоже, и те придурки, которых мы зовем братьями.

Напряжение в моей груди спадает, но тут же возникает вновь. Я крепче сжимаю пальцы, вопросительно подняв бровь.

- Кто еще нас ждет? Как это может быть?

Каким образом кто-то выжил после побоища под площадью Цезаря и эвакуации Наэрсии?

И Килорн и Шейд не разделяют моих сомнений. Они обмениваются беглыми взглядами. Вновь я блуждаю в потемках, и мне это не нравится. Но на сей раз тайну хранят мой родной брат и мой лучший друг, а вовсе не злобная королева и хитрый принц. И от этого еще больней. Нахмурившись, я сердито смотрю на обоих, пока до них не доходит, что я жду ответа.

Килорн стискивает зубы; у него хватает совести принять виноватый вид. Он указывает на Шейда. Пускай тот отдувается.

- Ты знаешь больше, чем я.

- Гвардия предпочитает помалкивать, и это логично, - замечает Шейд, приподнимается и садится повыше.

Он шипит от боли, ухватившись за раненое плечо, но жестом отгоняет меня, прежде чем я успеваю ему помочь.

- Мы хотим казаться слабыми, разбитыми, разобщенными...

Я невольно фыркаю, обозревая его повязки.

- Ну, у тебя неплохо получается.

- Не будь такой жестокой, Мэра, - огрызается Шейд, совсем как мама. - Я имею в виду, что все не так плохо, как ты думаешь. Наэрсии - не единственная наша крепость, а Фарли - не единственный лидер. Вообще-то, она даже не главнокомандующий. Она всего лишь капитан. Есть и другие, такие же, как она, - и есть те, кто стоит над ней.

Судя по тому, как Фарли распоряжается своими бойцами, впору решить, что она - императрица. Когда я вновь украдкой бросаю на нее взгляд, она деловито меняет повязку, одновременно браня медсестру, которая первой перевязывала рану. Но убежденность Шейда трудно сбросить со счетов. Он знает об Алой гвардии гораздо больше меня, и я склонна поверить, что он говорит правду. В этой организации кроется нечто большее, чем я вижу. Это вдохновляет - и пугает.

- Серебряные думают, что опережают нас на два шага, но они даже не знают, где мы, - полным страсти голосом продолжает Шейд. - Мы кажемся слабыми, потому что сами того хотим.

Я быстро поворачиваюсь к нему.

- Вы кажетесь слабыми, потому что вы слабы. Потому что Мэйвен обманул вас, загнал в ловушку, чуть не истребил и вышиб из убежища. Неужели ты будешь внушать мне, что все это было частью плана?

– Мэра... – негромко произносит Килорн, прижимаясь ко мне плечом в попытке утешить.

Но я отталкиваю его. Он тоже должен это услышать.

– Меня не волнует, сколько у вас потайных туннелей, лодок и баз. Таким способом вы его не победите. – Слезы, которые, казалось, давно иссыкли, обжигают глаза. Я чуть не плачу при мысли о Мэйвене. Трудно забыть, каким он был. Нет. Каким он притворялся. Добрый, брошенный мальчик. Тень пламени.

– Ну а что ты предлагаешь, девочка-молния?

Голос Фарли пронизывает меня, как мои собственные искры, воспаляя каждый нерв. Несколько мучительных секунд я рассматриваю собственные руки, сцепленные на простыне. Может быть, если не оборачиваться, Фарли уйдет. Может быть, она оставит меня в покое.

«Не будь душой, Мэра Бэрроу».

– Боритесь с огнем при помощи огня, – говорю я, вставая.

Рост Фарли всегда утрашал меня. А теперь необходимость гневно смотреть на нее снизу вверх кажется вполне естественной.

– Это такая Серебряная шутка? – усмехаясь, спрашивает она и скрещивает руки на груди.

– Похоже, что я щучу?

Фарли не отвечает, и этого достаточно. Наступает тишина, и я понимаю, что затих весь лазарет. Даже раненые подавляют стоны, чтобы посмотреть, как девочка-молния бросает вызов их капитану.

– Вам замечательно удастся выглядеть слабыми, а потом наносить удар, да? Ну а они делают все возможное, чтобы выглядеть сильными, неуязвимыми. Но на арене я доказала, что это не так.

«То же самое, и погромче, чтобы все слышали». Хорошо, что леди Блонс научила меня говорить твердым голосом.

– Они уязвимы.

Фарли не глупа – ей нетрудно проследить мой ход мысли.

– Ты сильнее их, – спокойно произносит она и переводит взгляд на Шейда, который лежит на койке и с тревогой слушает нас. – И ты такая не одна.

Я энергично киваю, радуясь, что она сразу поняла, чего я хочу.

– Сотни имен, сотни Красных, у которых есть способности. Они сильнее, быстрее, лучше Серебряных, и их кровь красна, как рассвет.

У меня перехватывает дыхание, как будто мое сердце понимает, что стоит на пороге будущего.

– Мэйвен попытается их убить, но если мы успеем первыми, они могут...

– Составить армию, какой еще не видел мир. – Глаза Фарли стекленеют при этой мысли. – Армию новокровок.

Она улыбается, и швы у нее на лице натягиваются, угрожая разойтись. Фарли усмехается еще шире. Она не обращает внимания на боль.

А я обращаю. И наверное, так будет всегда.

Глава 4

Фарли ниже Килорна, но движется быстрее и ловчей – за ней трудно угнаться. Я стараюсь изо всех сил, почти бегу, чтобы не отставать от нее в коридоре подводной лодки. Как и раньше, бойцы Гвардии отскакивают с дороги, но теперь они салютуют ей, прикладывая ладонь к груди или поднося руку ко лбу, когда мы проходим мимо. Фарли, конечно, выглядит впечатляюще – шрамы и раны она носит, как драгоценности. Кажется, она совсем не обращает внимания на то, что халат у нее в крови – она рассеянно вытирает о него руки. Есть там и кровь Шейда. Фарли не моргнув и глазом вытащила пулю у него из плеча.

– Он не под арестом, если ты об этом подумала, – беззаботно говорит Фарли, как будто заточение Кэла – предмет для светской беседы.

Я не настолько глупа, чтобы клюнуть на наживку. Только не сейчас. Фарли испытывает меня, проверяет мою реакцию, мою верность. Но я уже не та девочка, которая умоляла о помощи. Меня теперь не так легко разгадать. Я жила на лезвии бритвы, взвешивала ложь за ложью, скрывала собственную душу. И теперь мне ничего не стоит сделать то же самое, похоронив свои мысли глубоко внутри.

Поэтому я смеюсь, наклеив на лицо улыбку, которую довела до совершенства при дворе Элары.

– Да уж вижу. Ничего не расплавилось, – отвечаю я, указывая на металлические стены вокруг.

Я читаю Фарли, в то время как она пытается прочесть меня. Она хорошо скрывает эмоции, но в ее глазах мелькает удивление. Удивление и любопытство.

Я не забыла, как она обращалась с Кэлом в поезде. Оковы, вооруженные охранники, презрение... И он все это принимал, как побитый пес. После предательства брата и убийства отца у Кэла не осталось сил бороться. Ничего удивительного. Но Фарли не знает его характера – и его мощи – так, как знаю я. Она понятия не имеет, насколько он на самом деле опасен. «И, раз уж на то пошло, насколько опасна я». Даже теперь, несмотря на многочисленные раны, я ощущаю глубоко внутри нечто, тянущееся к электричеству, которое пульсирует в лодке. Я могла бы взять ее под контроль, если бы захотела. Могла бы сломать. Утопить нас всех. При этой страшной мысли я краснею – она меня смущает. Но в то же время и успокаивает. Я опаснее всех на подводке, но никто этого, кажется, не понимает.

«Мы выглядим слабыми, потому что сами того хотим». Шейд имел в виду Алу гвардию – он пытался объяснить ее мотивы. Теперь я задумываюсь, нет ли тут намека. Типа тайного послания.

Каюта Кэла находится в дальнем конце лодки, подальше от основной суеты. Ее дверь скрыта за переплетением труб и хаосом пустых ящиков, на которых виднеются надписи – «Археон», «Хэйвен», «Корвиум», «Причальная гавань»,

«Дельфи», даже «Беллеум» (это в Пьемонте, на юге). Понятия не имею, что раньше находилось в этой таре, но названия Серебряных городов внушают мне трепет. «Украдено». Фарли замечает, как я глазею на ящики, но ничего не удосуживается объяснить. Невзирая на наше зыбкое согласие по поводу тех, кого она называет «новокровками», я все еще не вхожу в ее внутренний круг доверенных лиц. Наверное, из-за Кэла.

Та штука, которая управляет кораблем – судя по ощущениям, здоровый аккумулятор, – рокошет под ногами, заставляя кости вибрировать. Я неодобрительно морщу нос. Пускай Фарли и не посадила Кэла под замок, но не проявила и особой любезности. От шума и дрожи тут наверняка не заснешь.

– Я так понимаю, его больше некуда было поместить? – спрашиваю я, гневно глядя в тесный угол.

Фарли жмет плечами и стучит кулаком в дверь.

– Принц не жаловался.

Долго ждать не приходится, хотя я бы не отказалась от пары лишних минут, чтобы собраться с духом. Но уже через несколько секунд замок открывается – лязгнув, быстро поворачивается круглая ручка. Оглушительно скрипят железные петли, и Кэл распахивает дверь.

Я не удивляюсь тому, что он стоит во весь рост, не обращая внимания на собственные раны. Он с детства готовился стать воином и привык к порезам и синякам. Но шрамы внутри – это то, что он еще не умеет скрывать. Кэл избегает моего взгляда, сосредоточившись на Фарли, которая то ли не обращает на него внимания, то ли полностью равнодушна к принцу с разбитым сердцем. Внезапно мои собственные раны начинают болеть меньше.

– Капитан Фарли, – говорит он таким тоном, словно она помешала ему обедать.

Боль он скрывает под маской досады.

Фарли не намерена это терпеть – фыркнув, она встряхивает короткими волосами и даже протягивает руку, как будто намереваясь закрыть дверь.

– А, так вы не в настроении принимать гостей? Ну, извините.

Втайне я радуюсь, что не позволила Килорну пойти с нами. Он бы стал еще хуже относиться к Кэлу, которого и так возненавидел с момента первой встречи в Подпорах.

– Фарли, – произношу я сквозь стиснутые зубы и не позволяю ей захлопнуть дверь.

Я испытываю одновременно восторг и отвращение, когда она отстраняется от моей руки. Фарли тут же густо краснеет, сердясь на себя за свой страх. Несмотря на внешнюю стойкость, она не отличается от остальных. Она боится девочку-молнию.

– По-моему, все в порядке.

Ее лицо слегка дергается – это раздражение, недовольство и собой и мной. Наконец Фарли кивает, явно радуясь тому, что можно отойти подальше. Напоследок бросив убийственный взгляд на Кэла, она разворачивается и исчезает в коридоре. Некоторое время до нас еще доносится эхо ее отрывистых приказов, неразборчивых, но властных.

Мы с Кэлом смотрим вслед Фарли, на стены, на пол, себе на ноги, не решаясь взглянуть друг на друга. Нам страшно вспоминать последние несколько дней. Ту минуту, когда мы смотрели друг на друга через порог комнаты. Наши уроки танцев и украденный поцелуй. Это как будто было в другой жизни. Впрочем, это и была другая жизнь. Кэл танцевал с Мариэной, пропавшей и найденной принцессой, а Мариэна умерла.

Однако ее воспоминания остались. Когда я прохожу мимо Кэла, слегка коснувшись плечом мускулистой руки принца, в памяти воскресает это ощущение, его вкус и запах. Жар, древесный дым, солнечный восход... но все это прошло. От Кэла пахнет кровью, он холоден как лед, и я говорю себе, что больше не желаю пробовать его на вкус.

- С тобой хорошо обращаются? - спрашиваю я, нащупывая безопасную тему.

Одного взгляда на маленькую, но чистую каютку достаточно, чтобы это понять, но надо же прервать молчание.

- Да, - отвечает Кэл, по-прежнему маяча на пороге.

Он раздумывает, закрыть дверь или не надо.

Мой взгляд падает на панель на стене - она откинута, и под ней путаница проводов и выключателей. Я невольно улыбаюсь. Кэл что-то чинил.

- По-твоему, это разумно? Стоит ошибиться проводком...

У принца на губах появляется слабая, но очень приятная улыбка.

- Я полжизни возился с электропроводкой. Не волнуйся, я знаю, что делаю.

Мы оба пропускаем мимо ушей двойной смысл. Просто не обращаем на него внимания.

Наконец Кэл решает закрыть дверь, хотя и не запирает ее. Одна рука касается металлической стены, пальцы расставлены - он ищет опоры. Вызывающий пламя браслет по-прежнему поблескивает на запястье, ярко-серебристый на тусклом сером фоне. Кэл замечает мой взгляд и опускает испачканный рукав; очевидно, никто не додумался принести ему смену одежды.

- Пока я не лезу на глаза, никто не обращает на меня внимания, - говорит он и продолжает ковыряться в открытой панели. - Очень любезно с их стороны.

Это невеселая шутка.

- И я постараюсь, чтоб так оно и было дальше. Если хочешь, - быстро подхватываю я.

По правде говоря, я понятия не имею, чего Кэл хочет теперь. Не считая мести. Единственного, что нас объединяет.

Он изгибает бровь. Ему как будто весело.

- О, теперь девочка-молния тут главная?

Кэл не дает мне времени ответить на насмешку. Одним широким шагом он покрывает расстояние между нами.

- Лично у меня такое ощущение, что ты, как и я, загнана в угол.

Он прищуривается.

- Только ты, кажется, этого не понимаешь.

Я краснею, почувствовав гнев - и смущение.

- В угол? Это не я прячусь в кладовке.

- О нет, ты слишком занята - тебя выставляют напоказ. - Кэл подается вперед, и между нами вспыхивает знакомый жар. Опять.

Отчасти мне хочется влепить ему пощечину.

- Мой брат никогда бы..

- Я тоже думал, что мой брат «никогда бы», и посмотри, чем это закончилось! - гремит Кэл, широко раскинув руки.

Кончиками пальцев он касается противоположных стен, буквально обнимая тюрьму, в которой оказался. «Тюрьму, в которую я его посадила». Кэл и меня загнал в клетку, понимает он это или нет.

От его тела исходит обжигающий жар, и мне приходится отступить на шаг. Кэл замечает это и расслабляется, опустив руки и взгляд.

- Прости, - выговаривает он, отводя со лба прядь черных волос.

- Не извиняйся передо мной. Я этого не заслуживаю.

Кэл искоса смотрит на меня черными расширенными глазами - но не спорит.

Тяжело вздохнув, я прислоняюсь к дальней стене. Пространство между нами зияет, как разинутая пасть.

- Что ты знаешь о месте под названием Так?

Благодарный за смену темы, Кэл собирается с духом и вновь становится принцем. Даже без короны он выглядит величественно - у него идеальная осанка.

- Так? - повторяет он, сцепив руки за спиной, и задумывается.

Кэл хмурится, и между густых темных бровей у него появляется складка. Чем больше времени проходит, тем спокойней мне становится. Если даже он ничего не знает про этот остров, значит, про Так в принципе знает мало кто.

- Мы направляемся туда?

- Да.

«Наверное». Меня охватывает холодный испуг - я вспоминаю уроки Джулиана, которые дорогой ценой усвоила при дворе и на арене. «Кто угодно может предать кого угодно».

- Так сказал Шейд.

Кэл не обращает внимания на мой неуверенный тон - он достаточно деликатен, чтобы не цепляться к словам.

- Если не ошибаюсь, это остров, - наконец говорит он. - Неподалеку от побережья их целая группа. Они не принадлежат Норте. Там нет ничего такого, чтобы стоило строить поселение или базу, даже в оборонных целях. Вокруг только океан.

Мне становится капельку легче. Пока что мы будем в безопасности.

- Хорошо.

- Твой брат похож на тебя, - и это не вопрос. - Он отличается от других.

- Да.

А что еще я могу сказать?

- С ним все в порядке? Я помню, его ранили.

Даже лишившись армии, Кэл не перестал быть генералом, который беспокоится о пострадавших солдатах.

- Спасибо, все неплохо. Получил несколько пуль вместо меня, но уже идет на поправку.

При упоминании о пулях Кэл быстро обводит меня взглядом. Наконец-то. Его глаза задерживаются на моем разбитом лице, на ушах, покрытых запекшейся кровью.

- А ты?

- Бывало и хуже.

- О да.

Мы оба замолкаем, не смея больше говорить. Но продолжаем смотреть друг на друга. Внезапно присутствие Кэла становится едва выносимым. Тем не менее мне не хочется уходить.

У подводной лодки свои планы.

Генератор у меня под ногами вздрагивает, и его гулкий пульс меняет ритм.

- Почти приплыли, - негромко говорю я, чувствуя, как в разных частях судна то слабеет, то усиливается поток электричества.

Кэл этого не чувствует - он не умеет, - но не сомневается в моих способностях. Он хорошо знаком с ними - лучше, чем кто-либо на подводке. Лучше, чем моя собственная семья. Во всяком случае, пока что. Мама, папа, Гиза, братья... они ждут меня на острове. Скоро мы увидимся. Они живы, они в безопасности.

Но я не знаю, сколько мы пробудем вместе. Я не смогу остаться на Таке, если хочу чем-нибудь помочь новокровкам. Мне придется вернуться в Норту и использовать те средства, которые готова предоставить Фарли, чтобы разыскать их. Замысел, который изначально кажется невозможным. Я не хочу даже думать об этом. Но голова у меня гудит - я уже придумываю план.

Наверху звучит сирена, и тут же над дверью Кэла начинает мигать желтая лампа.

- Потрясающе, - бормочет он, на мгновение привлеченный огромным механизмом вокруг нас.

Не сомневаюсь, Кэлу очень хочется все разведать, но на подводной лодке нет места для любопытного принца. Для парня, который копался в справочниках и строил мотоциклы с нуля, нет места в этом мире. «Я убила его, точно так же, как убила Мариэнну».

Несмотря на технические наклонности Кэла и мое собственное электрическое чутье, мы понятия не имеем, что дальше. Лодка кренится, всплывая носом вверх из океанских глубин, и каюта становится боком. От неожиданности мы оба падаем, врезавшись в стенку и друг в друга. Наши израненные тела сталкиваются, и мы шипим от боли. Но большее всего - само прикосновение к Кэлу. Это муки воспоминания, и я поспешно отодвигаюсь.

Поморщившись, я потираю один из своих многочисленных синяков.

- Где ты, Сара Сконос, когда ты так нужна, - ворчу я, жалея, что здесь нет целителя, способного вылечить нас обоих.

Она бы одним прикосновением умерила боль и вернула нам бойцовскую форму.

Лицо Кэла вновь искажается. «Отлично, Мэра. Просто супер, ты вспомнила женщину, которая знала, что королева убила его мать. Женщину, которой никто не верил».

- Прости, я не хотела...

Кэл отмахивается и нащупывает опору, одной рукой держась за стену, чтобы не потерять равновесия.

- Все нормально. Она... - Слова звучат с трудом. - Я сам предпочел не слушать ее. Потому что не желал. Это моя вина.

Я видела Сару Сконос только раз, после того как Эванжелина чуть не разоблачила меня в присутствии всей группы на тренировке. Джулиан, влюбленный в Сару, позвал ее - а потом наблюдал, как она лечит мое окровавленное лицо и покрытую синяками спину. Ее глаза были полны грусти, щеки запали, а язык вообще отсутствовал. Она лишилась его из-за того, что бросила вызов королеве. Из-за правды, которой никто не верил. «Элара убила мать Кэла, Кориану, Пожщую Королеву, родную сестру Джулиана, лучшую подругу Сары. И никто как будто не возражал. Гораздо проще было отвести взгляд».

Мэйвен тоже был там - и ненавидел Сару до глубины души. Теперь я знаю, что в его броне была трещина, и сквозь заученные слова и ласковые улыбки виднелась истинная суть. Как и Кэл, я не замечала того, что находилось у меня прямо перед носом.

Как и Джулиан, Сара, скорее всего, уже мертва.

Внезапно металлические стены, шум и треск в ушах становятся невыносимы.

- Мне нужно отсюда выйти.

Несмотря на странный наклон каюты и неумолкающий звон в голове, мои ноги знают, что делать. Они не забыли грязь Подпор, ночи, проведенные в переулках, бег с препятствиями на тренировках. Я распахиваю дверь, судорожно хватая воздух, как утопающая. Но застоявшийся, фильтрованный воздух подводки меня не радует. Мне нужен запах деревьев, воды, весеннего дождя. Против запаха летней жары и зимних холодов я тоже не возражаю.

Дайте хоть что-то, напоминающее о мире за пределами этой удушливой жестики!

Кэл позволяет мне уйти вперед, прежде чем отправиться следом. Его шаги тяжелы и неторопливы. Он не пытается нагнать меня – Кэл понимает, что я нуждаюсь в передышке. Если бы и Килорн это понимал.

Он приближается ко мне по накренившемуся коридору, цепляясь за дверные ручки и перила, чтобы не упасть. Когда Килорн замечает Кэла, его улыбка гаснет, сменившись даже не мрачным оскалом, а холодным равнодушием. Наверное, он считает, что если игнорировать принца, тот разозлится сильнее, чем от явно выраженной враждебности. Ну или Килорн не хочет испытывать способности огнеметателя в замкнутом помещении.

– Мы всплываем, – говорит он, подходя ближе.

Я крепче цепляюсь за ближайший ящик, пытаюсь сохранить равновесие.

– Да ладно!

Килорн ухмыляется и прислоняется к стене передо мной, поставив ноги по обе стороны моих. Можно сказать, что это вызов. Я чувствую за спиной жар, но принц, кажется, тоже избрал тактику равнодушия. Он молчит.

Не желаю быть пешкой в игре, которую они ведут. Я насытилась этим по горло.

– Как там ее зовут?.. Лена?

Килорн дергается, словно от пощечины. Его улыбка слабеет, уголки губ опускаются.

– Она, в общем, ничего.

– Все нормально, Килорн. – Я дружески, хотя и снисходительно хлопаю его по плечу. Крен этому только способствует. – Мы с ней подружимся.

Лодка выравнивается и качается, но мы крепко держимся на ногах. Даже Кэл, который умеет держать равновесие хуже меня и Килорна – обладателя моряцкой походки, выработанной на рыбацком баркасе. Принц натянута, как проволока, и ждет, когда я возьму дело в свои руки. Впору рассмеяться при мысли о Кэле, который полагается на меня, но я слишком замерзла и устала, чтобы сделать хоть что-то, кроме как двинуться дальше.

И я иду по коридору – а Кэл и Килорн шагают следом – направляясь к бойцам Гвардии, которые ждут возле трапа, по которому мы недавно спустились сюда. Первыми поднимаются раненые, которых привязывают к самодельным носилкам и вытаскивают в ночь. Фарли наблюдает за процессом. Халат у нее стал еще кровавее прежнего. Она представляет собой зловещее зрелище, когда поправляет повязки, держа в зубах шприц. Несколько тяжелораненых получают дозу лекарства, прежде чем отправиться наверх: оно поможет перенести боль, пока их будут тащить по узкому проходу. Шейд – последний. Он тяжело опирается на двух бойцов, которые поддразнивали Килорна. Я охотно пробралась бы к брату, но люди стоят слишком тесно, а я не желаю больше привлекать к себе внимание. Все еще слишком слабый, чтобы телепортироваться, Шейд вынужден прыгать на одной ноге. Он густо краснеет, когда Фарли пристегивает его к носилкам. Я не слышу, что она говорит, но Шейда это успокаивает. Он даже отмахивается от шприца – и стискивает зубы от раздирающей боли, когда его поднимают к люку. Как только Шейда уносят, процесс заметно ускоряется. Один за другим, бойцы

Гвардии лезут по трапу, и коридор постепенно очищается. Здесь много медиков, мужчин и женщин в белых халатах, покрытых пятнами крови.

Я не трачу время на то, чтобы пропускать вперед других, изображая вежливость, как подобает леди. Мы все идем в одно и то же место. Поэтому, как только толпа редет и в поле зрения появляется трап, я спешу к нему. Кэл следует за мной, и его присутствие, вкупе с моим, заставляет бойцов Гвардии расступиться. Они поспешно отходят, чтобы дать нам место – некоторые даже спотыкаются второпях. Только Фарли стоит неподвижно, держась одной рукой за ступеньку. К моему удивлению, она кивает Кэлу и мне. Нам обоим.

Это первое предупреждение.

Подъем по трапу отзывается жжением в мышцах, не успевших расслабиться после Наэрсии, заточения и арены. Я слышу странное завывание наверху, но оно меня совершенно не смущает. Я должна выбраться отсюда как можно скорее.

Когда я бросаю через плечо последний взгляд в недра лодки, мне предстает странная картина. С трапа виден лазарет. Там еще остались раненые, которые неподвижно лежат под одеялами. «Нет, это не раненые, – понимаю я, взбираясь выше. – Мертвые».

Чем выше я поднимаюсь, тем громче становится ветер. Вниз срываются капли воды. Я полагаю, что не из-за чего беспокоиться, пока не оказываюсь наверху, в темноте. Буря такая мощная, что струи ливня ложатся горизонтально, не попадая в люк. Дождь обжигает мое исцарапанное лицо, и я насквозь промокаю за считанные секунды. Осенняя гроза. Хотя на моей памяти еще не было такого яростного шквала. Он пронизывает меня, наполняя легкие горькой, едкой влагой. К счастью, лодка крепко привязана к причалу, который я едва могу разглядеть, и не поддается ударам бурных серых волн.

– Сюда! – кричит на ухо знакомый голос, и я, выпустив трап, ступаю на корпус подводки, скользкий от дождя и водорослей. В темноте человек, который ведет меня, едва различим, но его грузное тело и голос мне хорошо знакомы.

– Бри! – Я хватаю старшего брата за руку и ощущаю мозоли на ладони.

Тяжелый и медлительный, он похож на якорь. Бри помогает мне сойти с лодки на причал. Там ненамного лучше – железо изъедено ржавчиной – но за причалом начинается твердая земля, и это главное. Земля и тепло... желанная передышка после холодных глубин океана и моих собственных воспоминаний.

Никто не помогает Кэлу вылезти из люка, но он и сам неплохо справляется. И вновь старается соблюдать дистанцию и держится в нескольких шагах от нас. Не сомневаюсь, Кэл помнит первую встречу с Бри в Подпорах, когда мой брат был, мягко говоря, невежлив. По правде говоря, никого из семьи Вэрроу Кэл не интересовал, разве что маму и, возможно, Гизу. Но тогда они не знали, кто он такой. Теперь нам предстоит интересная встреча.

В бурю остров трудно разглядеть, но я понимаю, что Так мал. Его сплошь покрывают дюны, поросшие высокой травой, которая колышется от ветра, как волны. Узкая полоска света с воды на мгновение рассеивает тьму, и мы видим перед собой тропинку. На открытом месте, вне тесных стен подводки или подземки, становится ясно, что нас меньше тридцати, считая раненых. Все направляются к двум низким бетонным строениям, стоящим в конце причала. Еще несколько зданий стоят на невысоком холме впереди. Они похожи на бункеры или казармы. И я понятия не имею, что находится за

ними. Очередная молния – на сей раз ближе – отражается приятной дрожью в моих нервах. Бри принимает ее за дрожь холода и, притянув меня ближе, обвивает тяжелой рукой мои плечи. Под ее весом мне становится трудно идти, но я терплю.

Мы еле движемся к краю причала. Скоро я окажусь под крышей, сухая, на твердой земле, и все Бэрроу вновь соберутся вместе после долгой разлуки. Этой мысли достаточно, чтобы мне хватило сил пробраться через мокрую толпу. Медики грузят раненых в старый транспорт; его грузовой отсек застелен водонепроницаемой парусиной. Несомненно, краденой, как и все остальное. Два строения – это ангары; их двери слегка приоткрыты, и внутри виднеются еще транспорты. У причала стоят на якоре несколько лодок. Они подсакаивают на серых волнах, поднятых бурей. Все здесь собрано с мира по нитке – устаревшие разношерстные транспорты и изящные новые лодки. Серебристые, черные, одна зеленая. Краденые, угнанные, а может быть, то и другое сразу. Я даже замечаю дымчатые серо-синие цвета – эта лодка принадлежала военно-морскому флоту Норты. Остров Так представляет собой сильно увеличенную версию старого фургона Уилла Свистка, набитого перекупленным и ворованным.

Медицинский транспорт медленно трогается с места, прежде чем мы успеваем к нему приблизиться. Борясь с дождем, он ползет вверх по песчаной дороге. Только беззаботный вид Бри не позволяет мне ускорить шаг. Он не беспокоится о Шейде и о том, что ожидает нас на вершине холма, поэтому и я стараюсь не волноваться.

Кэл не разделяет мои чувства; наконец, прибавив ходу, он оказывается рядом со мной. Виной тому буря, или мрак, ну или просто серебряная кровь придает ему такой бледный и испуганный вид.

– Это долго не продлится, – произносит он, так тихо, что слышу только я.

– В чем дело, принц? – голосом, напоминающим глухой рев, спрашивает брат.

Я тычу Бри под ребра, но только ушибаю локоть.

– А, не важно, скоро выясним.

Тон хуже, чем слова. Холодный, жестокий... Бри не похож на того смешливого парня, которого я знала. Алая гвардия изменила и его.

– Бри, ты о чем?

А Кэл уже понял. Он останавливается, глядя на меня. Ветер треплет ему волосы, облепляя ими лоб. Бронзовые глаза темнеют от страха, и я чувствую, как все переворачивается в животе. «Опять? О нет. Только не говорите, что я иду в очередную ловушку», – мысленно умоляю я.

Один из ангаров нависает над нами. На необычно тихих петлях широко открывается дверь. Оттуда дружно выходят бесчисленные солдаты, разделенные по взводам, как в легионе, с ружьями на изготовку, с блестящими глазами. Их предводитель напоминает Серебряного – у него снежно-белые волосы и ледяное выражение лица. Но кровь у этого человека красная, как и у меня, один глаз затянут алой дымкой – в нем полопались сосуды.

– Бри, что это? – кричу я, с диким рычанием повернувшись к брату.

Вместо ответа он берет меня за руку, и не очень нежно. Бри использует свою превосходящую силу, чтобы я никуда не делась. Будь на его месте

посторонний человек, я бы как следует врезала ему электричеством. Но он мой брат. Я не могу так поступить с ним – и не поступлю.

– Бри, пусти!

– Мы не причиним ему вреда, – говорит он и повторяет: – Мы не причиним ему вреда, обещаю.

«Значит, это тюрьма не для меня». Но приятно тут мало. Более того, я наполняюсь гневом и отчаянием.

Оглянувшись, я вижу, что у Кэла пылают кулаки, а руки вытянуты навстречу незнакомцу с кровавым глазом.

– Ну? – с вызовом рычит он, больше похожий на зверя, чем на человека.

На загнанное в угол животное.

Слишком много ружей, даже для Кэла. Они пристрелят его, если придется. Возможно, именно этого они и хотят. Им нужен предлог, чтобы убить свергнутого принца. Какая-то часть меня – большая часть – понимает, что они имеют на это право. Кэл охотился за Алой гвардией, он, по сути, стал причиной гибели Тристана, самоубийства Уолш, пытки Фарли. Солдаты убивали по его приказу, уничтожив большую часть восставших. И кто знает, скольких он обрек на смерть на фронте, обменяв тысячи Красных на несколько жалких миль Озерной земли. Он не обязан нам верностью. Кэл – угроза для Алой гвардии.

Но он – орудие, как и я. Орудие, которое мы можем использовать в будущем. Ради новокровок, против Мэйвена. Факел, который рассеет тьму.

– Он не пробьется, Мэра, – говорит Килорн, выбрав худший момент, чтобы подойти. Он шепчет мне на ухо, словно его близость способна повлиять на меня. – Он умрет, если попытается.

Железная логика.

– На колени, Тиберий, – приказывает человек с кровавым глазом, смело шагая навстречу пылающему принцу.

От Кэла поднимается пар, как будто буря пытается потушить пламя.

– Руки за голову.

Кэл не делает ни того ни другого – но вздрагивает, услышав свое имя. Он стоит неподвижно, сильный и гордый, хотя знает, что битва проиграна. В прошлый раз он сдался, надеясь спасти собственную шкуру. Теперь он уверен, что его шкура ничего не стоит. Правда, я считаю иначе.

– Кэл, делай, как он велит.

Ветер разносит мой голос по всему ангару. Божь, им слышен и барабанный стук сердца в моей груди.

– Кэл.

Медленно, неохотно, как падающая статуя, Кэл опускается на колени, и его огонь гаснет. Вчера он сделал то же самое. Рядом с обезглавленным телом отца.

Человек с кровавым глазом усмехается, обнажив блестящие ровные зубы. Он торжествующе высится над Кэлом, наслаждаясь видом коленапреклоненного принца. Наслаждаясь тем, что сейчас сила на его стороне.

Но я – девочка-молния, а он понятия не имеет о настоящей силе.

Глава 5

Мне пытаются внушить, что это к лучшему, но я не готова принимать чьи-то там жалкие оправдания. Килорн и Бри поспешно засыпают меня заученными аргументами.

«Он опасен, даже для тебя». Но я лучше, чем кто-либо, знаю, что Кэл никогда мне не повредит. Даже когда у принца были для того причины, я его совершенно не опасалась.

«Он – Серебряный. Мы не можем ему доверять». После того как Мэйвен погубил его репутацию и лишил старшего брата права на престол, у Кэла нет никого и ничего, кроме нас, хоть он и отказывается это признавать.

«Он – ценный заложник. Генерал, принц Норты, человек, которого разыскивают по всему королевству». Тут я замолкаю и ощущаю глубоко внутри страх. Если человек с кровавым глазом решит использовать Кэла как средство давления на Мэйвена, если захочет обменять его или принести в жертву, мне понадобятся все силы, чтобы помешать ему.

Поэтому я просто киваю, поначалу медленно, делая вид, что согласна. Притворяясь послушной. Слабой. Я была права. Шейд меня предупредил. Он понял, куда катится прилив, задолго до того как волна приблизилась. Кэл – это сила, живой огонь, то, чего нужно бояться, с чем нужно справиться. А я – молния. Что сделают со мной, если я откажусь играть свою роль?

Я не попала в очередную тюрьму – пока нет, – но чувствую, что ключ в замке, и он грозит повернуться. К счастью, у меня есть опыт в таких делах.

Человек с кровавым глазом и его солдаты ведут Кэла в ангар – им хватает ума не связывать ему руки. Но они не опускают ружей и не теряют бдительности, стараясь сохранять дистанцию, чтобы никого из них не испепелили за дерзость. Я могу лишь наблюдать, широко раскрыв глаза и закрыв рот. Дверь ангара захлопывается, разделив нас. Они не убьют Кэла – во всяком случае, пока он не даст повода. Могу лишь надеяться, что принц будет вести себя хорошо.

– Обращайтесь с ним помягче, – шепчу я, прижавшись к теплому телу Бри.

Даже под холодным осенним дождем он пылает, как печка. Долгие годы сражений на северном фронте научили его терпеть сырость и холод. Я вспоминаю старую папину присказку: «Война всегда с тобой». Теперь я знаю это как никто, хотя сражалась совсем на другой войне.

Бри делает вид, что ничего не слышит, и мы оба покидаем причал. Килорн следует за нами, пару раз наступив мне на пятки. Подавив желание пнуть его, я сосредотачиваюсь на деревянных ступеньках, которые ведут к стоящим на холме баракам. Лестница истерта бесчисленными ногами. Сколько людей здесь бывало? И сколько живет здесь сейчас?

Мы взбираемся на холм, и перед нами открывается остров. База оказывается больше, чем я думала. Казармы на вершине холма были лишь первыми из как минимум десятка. Они стоят двумя ровными рядами по обе стороны длинного бетонного плаца. Он чистый и ухоженный, в отличие от лестницы и причала. Посередине двора тянется проведенная белой краской линия, идеально прямая, уходящая куда-то в бурную ночь. Куда она ведет, я понятия не имею.

На острове царит спокойствие, словно он застыл от бури. Утром, когда дождь закончится и мрак рассеется, наверное, я увижу базу во всей красе – и наконец пойму, с кем имею дело. У меня развилась дурная привычка недооценивать окружающих, особенно в том, что касается Алой гвардии.

Как и Наэрс, остров Так – нечто большее, чем кажется.

Холод, который я ощущала на подводке и под дождем, не проходит, даже когда меня вводят в казарму, на двери которой черной краской выведена цифра «3». Я промерзла до костей, до самого сердца. Но я не позволю родителям заметить это – ради них самих. Я обязана сделать такое усилие. Пусть думают, что я целая и невредимая, несломленная, ничуть не удрученная заключением Кэла и собственными испытаниями во дворце и на арене. И Гвардия должна думать, что я на их стороне, что я радуюсь, оказавшись в «безопасности».

«Но разве не так? Разве я не принесла клятву Фарли и Алой гвардии?»

Они, как и я, верят в конец эпохи Серебряных королей и Красных рабов. Они принесли в жертву много жизней ради меня и из-за меня. Они – мои союзники, мои товарищи, братья и сестры по оружию.. но человек с кровавым глазом заставил меня задуматься. Он – не Фарли. Она, возможно, груба и упряма, зато хорошо знает, что я пережила. С ней можно договориться. Сомневаюсь, что человек с кровавым глазом уступит доводам рассудка.

Килорн хранит странное молчание. И оно нам совсем не нравится. Мы привыкли ругаться, дразнить друг друга – ну или, в случае Килорна, болтать чушь. Совсем не в наших привычках молчать в обществе друг друга, но теперь слова закончились. Он знал, как собирались поступить с Кэлом, и не возразил. Самое скверное, что Килорн даже мне не сказал. Если бы не холод, я бы разозлилась. Холод пожирает мои эмоции, приглушает их, превращая в нечто вроде электрического гудения в воздухе.

Бри не замечает нашего странного поведения – да и не заметил бы. Во-первых, мой старший брат очаровательно глуповат, а во-вторых, он уехал из дома, когда я была неуклюжей тринадцатилетней девчонкой, которая воровала для развлечения, а не из необходимости, и не отличалась особой жестокостью. Бри не знает, какой я стала – он пропустил почти пять лет моей жизни. Но я гораздо сильнее изменилась за последние два месяца, чем за прежние семнадцать лет. И только два человека были в это время рядом со мной. Первый сейчас в тюрьме, а второй носит кровавый венец.

Любой разумный человек назвал бы их моими врагами. Как ни странно, враги знают меня лучше всего, а собственная семья не знает совсем.

В казарме, о счастье, сухо. Лампы и провода на потолке гудят электричеством. Коридор с толстыми бетонными стенами напоминает лабиринт, и нет никаких указателей, чтобы ориентироваться. Все двери закрыты – серые, стальные, ничем не примечательные, – но кое-где заметны признаки жизни. Тут ручку украшает плетенка из травы, там на косяке висят порванные бусы и так далее. Здесь обитают не жуткие солдаты, а беженцы из Наэрси и из других мест. После введения Мер, которые я озвучила лично, много бойцов Гвардии, да и просто Красных бежали с материка. Как они

могли там оставаться, если им грозили призыв или казнь? «Но как они сумели скрыться? И как добрались сюда?»

Еще один вопрос пополняет мой неуклонно растущий список.

Хотя многое меня отвлекает, я стараюсь тщательно запоминать повороты. Здесь направо, один, два, три раза свернуть за угол, потом налево мимо двери с надписью «Прерия». Отчасти я гадаю, не нарочно ли брат идет окольным путем, но Бри для этого недостаточно умен. Наверное, я должна быть благодарна. Шейд без проблем разыгрывает хитреца, но только не Бри. Он – грубая сила, катящийся валун, от которого нетрудно отпрыгнуть. Он тоже боец Алой гвардии, освободившийся из одной армии лишь для того, чтобы примкнуть к другой. Судя по тому, как он держал меня на причале, Бри верен Гвардии и больше никому. Трами, очевидно, изберет ту же линию – он всегда предпочитает за кем-нибудь следовать и лишь время от времени готов вести. Наш старший брат... Только у Шейда хватает здравого смысла держать глаза открытыми, ждать и прикидывать, какая судьба ожидает нас, новокровок.

Дверь впереди гостеприимно приоткрыта. Бри может и не говорить мне, что это комната нашей семьи, поскольку на дверной ручке висит лоскут фиолетовой ткани. Он обтрепан по краям и неуклюже вышит. На обрывке блестят вышитые молнии – символ, который не принадлежит ни Красным, ни Серебряным, только МНЕ. Сочетание цветов Дома Титаноса – моей личности – и молнии, которая меня защищает.

Когда мы подходим ближе, за дверью что-то катится, и мне сразу делается тепло. Я узнаю звук папиного кресла где угодно.

Бри не стучит. Он знает, что никто еще не спит – все ждут меня.

Там просторнее, чем на подводной лодке, но тем не менее комнатка маленькая и тесная. По крайней мере, есть место, чтобы повернуться, и отдельные кровати для всех, и даже чуть-чуть свободного пространства возле двери. Единственное окно, прорезанное высоко в дальней стене, плотно закрыто от дождя, но небо кажется немного светлее. Близок рассвет.

«Да», – думаю я, заметив ошеломляющее количество красного.

Шарфы, тряпки, какие-то лоскутья, флаги... красная ткань лежит на всех поверхностях и свисает с каждой стены. Можно было догадаться, что этим закончится. Гиза некогда шила одежду для Серебряных; теперь она прилежно мастерит флаги для Алой гвардии, украшая их разорванным пополам солнцем – символом сопротивления. Они некрасивы – стежки неровные, узор простой. Их не сравнить с произведениями искусства, которые она некогда создавала. Это и моя вина.

Гиза, сидящая за маленьким железным столиком, застыла с иголкой в полузалеченной руке. Она смотрит на меня, и остальные тоже. Мама, папа, Трами – все глядят, но не узнают девушку, которую видят перед собой. Когда мы виделись в последний раз, я не сумела совладать с собой. Я была загнана в ловушку, слаба, сбита с толку. Теперь я изранена, покрыта синяками, предана, зато знаю, кто я такая и что должна сделать.

Я – большее, чем мы когда-либо мечтали. И меня это пугает.

– Мэра... – чуть слышно раздается мамин голос.

Она выговаривает мое имя с дрожью.

Как дома, в Подпорах, когда мои искры чуть не сожгли наш дом, она первой обнимает меня, а после объятий, которые слишком коротки, усаживает на свободный стул.

– Сядь, деточка, сядь, – говорит она, и руки у нее дрожат.

«Деточка». Я много лет не слышала, чтобы мама так меня называла. Странно, что это слово прозвучало теперь, когда я уже далеко не ребенок.

Мамины руки витают над моей новой одеждой, ища синяки, как будто она видит сквозь ткань.

– Тебе больно, – бормочет она, качая головой. – С ума сойти, тебя не уложили на носилки. После... ну, после всего.

Я втайне радуюсь, что мама не упоминает Наэрсси, арену и то, что было раньше. Сомневаюсь, что в обозримое время мне хватит сил, чтобы воскресить эти воспоминания.

Папа мрачно усмехается.

– Она может делать, что вздумается. Ей незачем спрашивать разрешения.

Он ерзает, и я замечаю, что седины у него прибавилось. Еще он похудел и кажется в знакомом кресле совсем маленьким.

– Как Шейд..

Шейд – это то, в чем мы все согласны. И о брате мне проще говорить.

– Вы его видели? – спрашиваю я, позволив себе расслабиться на холодном металлическом стуле. На нем очень приятно сидеть.

Трами встает со своей койки, чуть не стукнувшись головой о потолок.

– Сейчас пойду в лазарет. Я просто хотел убедиться, что ты..

Слово «в порядке» окончательно покинуло наш лексикон.

– ...на ногах.

Я могу лишь кивнуть. Если я открою рот, то, наверно, расскажу все. Про боль, про холод, про принца, который меня предал, и про другого принца, который меня спас, про людей, которых я убила. Хотя они, быть может, уже об этом знают, я не в силах признаться в содеянном. Увидеть на лицах родных разочарование, отвращение, страх передо мной. Сегодня я этого не вынесу.

Бри отправляется вместе с Трами, грубовато похлопав меня по спине, прежде чем выйти вслед за братом в коридор. Килорн остается; он по-прежнему молчит, прислонившись к стене, словно хочет провалиться сквозь нее и исчезнуть.

– Поешь? – спрашивает мама и копается в крохотном шкафу. – Если ты голодная, у нас кое-что осталось от вечернего пайка...

Хотя я уж не знаю сколько ничего не ела, я качаю головой. Я так измучена, что думать не могу ни о чем, кроме сна.

Гиза смотрит на меня, прищутив свои ясные глаза, и все понимает. Она отбрасывает с лица прядь густых рыжих волос цвета нашей крови.

- Тебе надо поспать.

Она говорит так убежденно, что я забываю, кто из нас старшая сестра.

- Дайте ей отдохнуть.

- Ну конечно. Ты права.

И вновь мама тянет меня за собой, подняв со стула, и подводит к кровати, на которой лежит больше подушек, чем на других. Она нянчится со мной, возится с тонким одеялом, сама делает все необходимое. У меня хватает сил лишь на то, чтобы следовать ее указаниям. Я позволяю ей подоткнуть одеяло - мама никогда не делала этого раньше.

- Ну вот, деточка, спи.

«Деточка».

Я уже давно не была в такой безопасности, меня окружают люди, которых я люблю больше всего на свете, но тем не менее мне как никогда хочется плакать. Но ради них я сдерживаюсь. Сворачиваюсь клубочком и рыдаю в одиночестве, мысленно, чтоб никто не видел.

Вскоре я задремываю, несмотря на яркий свет над головой и тихие разговоры. Слышится низкий голос Килорна - теперь, когда я ушла со сцены, он вновь заговорил.

- Присмотрите за ней. - Это последнее, что я слышу, прежде чем погрузиться в темноту.

Где-то ночью, между сном и бодрствованием, папа берет меня за руку. Не для того, чтобы разбудить, просто чтобы поддержать. На мгновение мне кажется, что это сон, что я - в камере под Чашей Костей. Что наше бегство, арена и казнь были кошмаром, который я должна вскоре пережить вновь. Но рука у папы теплая, узловатая, знакомая, и я крепче сжимаю ее. Он настоящий.

- Я знаю, что такое убить человека, - шепчет папа, глядя вдаль.

Его глаза - две крошечные точки света в темной комнате. Папин голос звучит непривычно, как будто сам он в эту минуту стал другим человеком. Солдатом, который слишком долго выживал в недрах войны.

- Я знаю, как это действует...

Я пытаюсь заговорить. Несомненно, пытаюсь.

Но вместо этого выпускаю папину руку и уплываю в темноту.

Наутро меня будит едкий запах соли. Кто-то отворил окно, впустив в комнату прохладный осенний ветер и яркий солнечный свет. Буря закончилась. Прежде чем открыть глаза, я даю волю воображению. Подо мной моя старая кровать, ветер долетает с реки, и решать нужно только, пойти или не пойти в школу. Но утешения в этом немного. К той жизни, хоть она и была проще, я бы не вернулась, если бы смогла.

У меня есть дела. Я должна позаботиться о списке Джулиана, начать подготовку к этому масштабному предприятию. И если мне понадобится Кэл,

кто посмеет отказать? Если на кону – спасение многих жизней от петли, кто скажет «нет»?

Что-то подсказывает мне, что, например, человек с кровавым глазом. Но я отгоняю эту мысль.

Гиза лежит, растянувшись, на койке напротив и здоровой рукой выдергивает нитки из куска черной ткани. Она даже не смотрит на меня, когда я потягиваюсь, треща суставами.

– Доброе утро, деточка, – говорит она, не скрывая ухмылку.

И получает подушкой по физиономии.

– Не начинай, – предупреждаю я, втайне радуясь, что она дразнится. Вот если бы и Килорн вел себя так же, став чуть более похожим на рыбацкого мальчишку, которого я помню.

– Все в столовке. Завтрак еще не закончился.

– А где лазарет? – спрашиваю я, подумав про Шейда и Фарли.

Сейчас сестра – один из моих основных союзников.

– Тебе надо поесть, Мэра, – строго говорит Гиза и наконец садится. – Я серьезно.

Тревога в ее глазах смущает меня. Очевидно, я выгляжу хуже, чем предполагала, раз уж Гиза обращается со мной столь бережно.

– Ну а где столовка?

Фыркнув, она встает и бросает рукоделье на постель.

– Так я и думала, что буду нянькой, – бормочет сестра, совсем как мама, когда сердится.

На сей раз она увертывается от подушки.

С утра мы быстрее преодолеваем лабиринт коридоров. По крайней мере, я помню дорогу – и мысленно отмечаю двери, мимо которых мы проходим. Некоторые открыты – за ними пустые спальни и немногочисленные отдыхающие Красные. То и другое внятно свидетельствует о предназначении казармы номер три, которая, очевидно, отведена для семейных. Здешние обитатели не похожи на бойцов Гвардии, и я сомневаюсь, что большинство из них когда-либо участвовали в сражении. Тут есть и дети, даже совсем маленькие, которые бежали вместе с родителями или были привезены на остров. Одна комната буквально набита старыми, поломанными игрушками, а стены спешно выкрашены в тошнотворно-желтый цвет в попытке сделать бетон повеселее. Никакой надписи нет, но я понимаю, для кого отведено это помещение. Для сирот. Я быстро отвожу глаза, глядя куда угодно, только не на эту клетку для живых призраков.

По всему потолку тянутся провода, неся медленное, но ровное течение электричества. Я не знаю, что дает острову энергию, но низкое гудение успокаивает меня, напоминая, кто я такая. По крайней мере, это никто не сумеет отнять, во всяком случае, здесь, вдали от заглушающей способности ныне покойного Арвена. Вчера он чуть не убил меня, подавив мою силу своей, превратив меня в Красную девчонку, у которой нет ничего, кроме грязи под ногтями. На арене я едва успела испугаться такой перспективы, но теперь она меня гнетет. Моя способность – самое ценное, чем я обладаю,

пусть даже и ценой отлучения от остальных. Но это цена, которую я готова заплатить за силу.

– На что это похоже? – спрашивает Гиза, заметив, как я смотрю на потолок. Она сосредотачивается на проводке, пытаясь ощутить то же, что и я, но тщетно. – Я имею в виду, электричество.

Я не знаю, что сказать. Джулиан легко ответил бы на вопрос (скорее всего, поспорив сам с собой в процессе и заодно в деталях изложив историю способностей и причины их появления). Но Мэйвен не далее чем вчера заявил, что моему старому учителю не удалось бежать. Его схватили. Зная Мэйвена – не говоря уж об Эларе, – я уверена, что Джулиан мертв, казнен за то, что сделал для меня, и за преступления, совершенные давным-давно. За то, что он – брат женщины, которую искренне любил прежний король.

– Энергия, – наконец говорю я, распахнув дверь, ведущую во внешний мир. Морской воздух охватывает меня и треплет спутанные волосы. – Сила.

Это слова Серебряных, но тем не менее они правдивы.

В норме Гиза не отвязалась бы так быстро. Тем не менее она замолкает. Сестра понимает, что ее вопросы – не те, на которые я хочу отвечать.

При дневном свете Так выглядит одновременно более и менее зловещим. Солнце ярко сияет в небе, согревая осенний воздух, а за казармами трава сменяется редкой порослью деревьев. Ничего похожего на дубы и сосны, растущие возле Подпор, но пока что и это сойдет. Мы с Гизой идем по бетонному двору, пробираясь мимо людей, занятых делом. Бойцы в красных кушаках разгружают мобили, складывая ящики вроде тех, что я видела накануне на лодке. Я слегка замедляю шаг, надеясь взглянуть хоть глазком на груз, но странные солдаты в новой форме заставляют меня остановиться. Они одеты в синее, но это не яркий цвет Дома Озаноса, а более холодный и тусклый оттенок. Я его не узнаю. Они похожи на Фарли, высокие и бледнолицые, со светлыми волосами, остриженными почти под корень. «Иностранцы», – догадываюсь я. Они стоят над грузом, держа в руках винтовки, и стерегут его.

Но от кого?

– Не смотри на них, – бормочет Гиза.

Она хватает меня за рукав и тянет дальше, стремясь поскорей отойти от солдат в синем. Один из них, прищурившись, внимательно наблюдает за тем, как мы уходим.

– Почему? Кто они такие?

Сестра качает головой и продолжает меня тащить.

– Не сейчас.

Естественно, я хочу остановиться и смотреть на солдата, пока он не поймет, кто я такая. Но это глупое, детское желание. Я должна сохранять маску, должна казаться бедной девушкой, сломленной испытаниями. Я позволяю Гизе увести себя прочь.

– Это люди полковника, – шепчет она, как только мы оказываемся за пределами слышимости. – Они пришли вместе с ним с севера.

«С севера».

- Это Озерные? - спрашиваю я, чуть не ахнув от удивления.

Гиза сдержанно кивает.

Теперь цвет формы совершенно ясен - это цвет холодной озерной воды. Перед нами - солдаты чужой армии, подданные чужого короля, но они здесь, на нашей стороне. Норта сто лет воюет с Озерным краем, сражаясь за землю, еду и славу. Огненные короли против ледяных, а в промежутке - серебряная и красная кровь. Но, видимо, новый рассвет наступает для всех.

- Полковник и сам Озерный. А после того что произошло в Археоне... - На лице Гизы отражается боль, хоть она не знает и половины моих приключений. - ...Он приехал, чтобы, как выразился Трами, «все уладить».

«Здесь что-то не так», - сомнение не дает мне покоя, точно так же, как Гиза, тянущая меня за рукав.

- А кто он вообще?

Я не сразу понимаю, что мы дошли до столовой, приземистого строения, похожего на казарму. За дверью слышится лязг посуды, но мы не заходим внутрь. Пусть даже от запаха еды у меня урчит в животе, я жду от Гизы ответа.

- Тот человек с кровавым глазом, - говорит она, указывая на собственное лицо. - Он теперь главный.

«Начальство». Шейд шепотом произнес это слово на лодке, но я тогда не особенно задумалась. Значит, вот что он имел в виду? Брат пытался предостеречь меня насчет полковника? После вчерашнего ареста Кэла... да, наверное. Не очень-то приятно знать, что такой тип управляет целым островом и всеми, кто на нем находится.

- Значит, Фарли больше не у дел.

Гиза жмет плечами.

- Капитан Фарли провалила задание. Ему это не понравилось.

«То есть, он ненавидит меня».

Гиза тянется к двери левой рукой. Правая заживает быстрее, чем я думала - только безымянный палец и мизинец странно скрючены, загнуты к ладони. Кости срослись неправильно. Это наказание за то, что Гиза когда-то поверила сестре.

- Куда они отвели Кэла? - спрашиваю я так тихо, что, боюсь, она меня не слышит.

Но Гиза замирает.

- О нем говорили вчера вечером, когда ты заснула. Килорн ничего не знает, а Трами... он пошел посмотреть. Понаблюдать.

Мое сердце пронизывает острая боль.

- Понаблюдать за чем?

- Он сказал, пока ему только задают вопросы. Ничего серьезного.

Я напрягаюсь. Есть множество вопросов, способных причинить Кэлу большие муки, чем любая рана.

- Где он? - повторяю я, и в моем голосе звучит сталь - я говорю, как урожденная Серебряная принцесса.

- В казарме номер один, - шепотом отвечает Гиза. - Я слышала, как они говорили про номер один.

Она открывает дверь в столовую, а я окидываю взглядом линию казарм, которые тянутся до самых зарослей. На них отчетливо видны номера, намалеванные черной краской по вылинявшему на солнце бетону. 2, 3, 4...

И тут меня охватывает холод.

Казармы номер один нет.

Глава 6

Еда в основном простая - серая каша и тепловатая вода. Только рыба вкусная - свежельовленная треска. У нее вкус соли и моря, совсем как у здешнего воздуха. Килорн удивляется рыбе, размышляя, какой сетью пользуются бойцы Гвардии. «Мы сами попались в сеть, идиот», - хочется крикнуть мне, но столовка - не место для таких слов. Здесь присутствуют и Озерные в своей темно-синей форме, молчаливые и сдержанные. В то время как люди Фарли, в красном, едят вместе с остальными беженцами, Озерные не присаживаются - они постоянно рыскают по помещению. Они напоминают мне сотрудников безопасности, и я ощущаю знакомый холодок. Остров Так не очень отличается от Археона. Разные фракции соперничают за власть, а я оказалась в самой гуще. А Килорн, мой друг, самый давний друг, кажется, не верит, что здесь опасно. Или, что еще хуже, он это понимает - и не беспокоится.

Я продолжаю молчать. Тишина прерывается только жеванием. Остальные внимательно наблюдают за мной, как им велено. Мама, папа, Килорн, Гиза... все тщетно притворяются, что не смотрят на меня. Парней нет - они по-прежнему у кровати Шейда. Как и я, они думали, что он умер, и стараются наверстать упущенное.

- Так как же вы попали сюда? - Слова застревают в горле, но я заставляю себя произнести их.

Лучше уж я начну задавать вопросы, прежде чем они напустятся на меня.

- По морю, - хрипло говорит папа, с шумом втягивая кашу с ложки, и посмеивается собственной шутке. Я тоже улыбаюсь, за компанию.

Мама толкает его в бок и с досадой цокает языком.

- Ты же понимаешь, что она имеет в виду, Дэниэл.

- Да уж не дурак, - ворчит папа и берет еще ложку каши. - Два дня назад, посреди ночи, на крыльце вдруг возник Шейд. Просто взял и возник. - Папа шелкает пальцами. - Ты в курсе, да?

- Да.

- Мы чуть не умерли от разрыва сердца, когда он вот так появился... живой.

- Представляю себе, - говорю я, вспомнив собственную реакцию.

Я решила, что мы оба умерли и унеслись далеко от этого безумия. Но, как и я, Шейд просто стал кем-то - чем-то - другим, чтобы выжить.

Папа продолжает, наконец дав себе волю. Кресло катается туда-сюда на скрипучих колесах от его энергичных жестов.

- Ну а потом, когда твоя мать перестала плакать, он взялся за дело. Начал совать вещи в мешок - всякое барахло. Флаг с крыльца, картинки, твою шкатулку с письмами. Честно говоря, никакого смысла в этом не было, но очень трудно требовать чего-то от сына, который воскрес из мертвых. Когда он сказал, что надо уходить - сейчас, прямо сейчас - я догадался, что он не шутит. Ну мы и ушли.

- А комендантский час?

Я прекрасно помню Меры - они как гвозди, вбитые в мое тело. Как я могу про них забыть, если мне пришлось озвучить их лично?

- Вы рисковали жизнью!

- С нами был Шейд и его... его... - Папа пытается подобрать слово и опять прибегает к жестам.

Гиза закатывает глаза: отцовские ужимки ей надоели.

- Он назвал это прыжком, помнишь?

- Именно, - подтверждает папа и кивает. - Шейд прыгнул вместе с нами мимо патрулей и оказался в лесу. Потом мы пошли к реке и сели в лодку. Грузы по-прежнему разрешают перевозить по ночам, и в итоге мы уж не знаю сколько просидели в ящике с яблоками.

Мама морщится при этом воспоминании.

- Гнилыми яблоками, - добавляет она.

Гиза хихикает, а папа почти улыбается. На мгновение серая каша в миске становится маминым рагу, бетонные стены - грубо отесанными бревнами. Семейство Бэрроу ужинает. Мы снова дома, и я снова Мэра.

Улыбаясь и слушая, я позволяю времени бежать. Мама болтает о всяких пустяках, так что мне не приходится говорить, и я могу поесть спокойно. Тех, кто пытается на меня поглазеть, она отпугивает, парируя взгляды, обращающиеся в мою сторону, гневным выражением лица, которое я знаю как никто. Гиза тоже играет свою роль, отвлекая Килорна новостями из Подпор. Он внимательно слушает, и сестренка прикусывает губу, радуясь его вниманию. Видимо, ее детская влюбленность еще не прошла. Остается только папа - он рассеянно уплетает вторую порцию каши. Он смотрит на меня поверх миски, и я проблесками замечаю человека, каким он был когда-то. Высокий, сильный, гордый... мужчина, которого я почти не помню. Он страшно далек от себя нынешнего. Но, как и я, как Шейд, как бойцы Алой гвардии, папа вовсе не такое сломленное, нелепое создание, каким кажется, несмотря на свое кресло, отсутствующую ногу и пощелкивающее устройство в груди. Он повидал больше битв, чем многие присутствующие, и протянул гораздо дольше. Он потерял ногу и легкое всего за три месяца до полной отставки, проведя на фронте почти двадцать лет. Многим ли удалось продержаться столько?

«Мы кажемся слабыми, потому что сами того хотим». Возможно, это сказал вовсе не Шейд, а папа. Я сама буквально только что обрела силу, а он скрывал свою с тех пор, как вернулся домой. Я помню его слова, которые услышала прошлой ночью, в полусне. «Я знаю, что такое убить человека». Не сомневаюсь.

Как ни странно, о Мэйвене мне напоминает еда. Не вкус, а процесс. В последний раз я ела, сидя рядом с ним, в королевском дворце. Мы пили из хрустальных бокалов, а у меня была вилка с перламутровой ручкой. Нас окружали слуги, и в то же время мы были очень одиноки. Мы не могли поговорить о предстоящей ночи, но я постоянно украдкой взглядывала на Мэйвена, надеясь, что не струшу. В ту минуту он придавал мне сил.

Я верила, что он выбрал меня – и революцию. Я верила, что Мэйвен – мой спаситель, мое счастье. Я верила, что он нам поможет.

Глаза у него были такие синие, полные нездешнего огня. В них пылало голодное пламя, жгучее и странно холодное, окрашенное страхом. Я думала, что мы боимся вместе – за наше дело, друг за друга. Как же я ошиблась.

Я медленно отодвигаю тарелку с рыбой. Хватит.

Царапанье миски по столу звучит для Килорна как сигнал тревоги, и он разворачивается ко мне.

– Все? – спрашивает он, глядя на недоеденный завтрак.

Вместо ответа я встаю, и он тоже вскакивает. Как пес, повинующийся приказам. Но не моим.

– Мы можем пойти в лазарет?

«Мы, можем». Я тщательно выбираю слова. Это дымовая завеса, которая заставит его забыть о том, кто я и что я.

Килорн кивает и улыбается.

– Шейд поправляется не по дням, а по часам. Ну что, Бэрроу, прогуляемся?
– добавляет он, взглянув на свою названую семью.

У меня расширяются глаза. Мне надо поговорить с Шейдом, выяснить, где Кэл и какие у полковника планы на него. Хотя я и скучала по родным, они будут мешать. К счастью, папа все понимает. Его рука быстро движется под столом и останавливает маму, прежде чем она успевает заговорить. Они общаются без слов. Мама ерзает, и на ее лице появляется виноватая улыбка, которая не достигает глаз.

– Мы потом придем, – говорит она, имея в виду нечто большее, чем эти несколько слов. – Кажется, пора поменять батарейку?

– Блин, – громко ворчит папа, уронив ложку в миску с серым месивом.

Взгляд Гизы перебегает на меня, пытаюсь понять, что мне нужно. «Время, пространство, возможность распутать этот хаос».

– А мне надо сшить еще несколько флажков, – говорит она и вздыхает. – Они у вас быстро заканчиваются.

Килорн со смехом отмахивается от этой добродушной шпильки и криво улыбается. Очень знакомо.

– Ладно, как хотите. Пошли, Мэра.

Хоть он и держится очень снисходительно, я позволяю ему идти первым. Я старательно играю свою роль – прихрамываю, держу глаза опущенными. Подавляю желание посмотреть в ответ на тех, кто разглядывает меня – на бойцов Гвардии, на Озерных, даже на беженцев. Опыт, полученный при дворе покойного короля, приносит мне пользу даже на военной базе, где я вновь должна скрывать, кто я такая. Раньше я притворялась Серебряной, невозмутимой и бесстрашной – оплотом силы и власти по имени Мариэна. Но она должна сейчас находиться рядом с Кэлом, в заточении, в несуществующей казарме номер один. Поэтому я снова становлюсь Красной, девушкой по имени Мэра Бэрроу, которую никто не боится и ни в чем не подозревает. Которая полагается на парня, а не на собственные силы.

Никогда еще предостережения папы и Шейда не казались столь ясными.

– Нога еще тебя беспокоит?

Я так стараюсь, изображая хромоту, что едва замечаю тревогу в его голосе.

– Все нормально, – наконец отвечаю я, поджав губы, словно от боли. – Бывало и хуже.

– Да уж, помню, как ты сиганула с крыльца Эрни Уика, – говорит Килорн.

В тот день я сломала ногу и несколько месяцев проходила в гипсовом лубке, который стоил нам обоим половину наших сбережений.

– Я в этом была не виновата.

– Если не ошибаюсь, тебя никто не толкал.

– Меня взяли на слабо.

– С ума сойти, кто же на это решился?

Килорн хохочет, когда мы оба минуем двойную дверь. Коридор за нею, очевидно, выстроен недавно – краска местами еще кажется сырой. Над головой мигают лампочки. «Плохая проводка». Я чувствую места, где электричество искрит и обрывается. Но одна линия энергии остается непрерывной – она течет по коридору налево. К моей досаде, Килорн поворачивает направо.

– А что там? – спрашиваю я, указав в другую сторону.

– Не знаю.

Он не лжет.

Лазарет на Таке не такой мрачный, как на подводной лодке. Узкие высокие окна открыты, так что помещение полно свежего воздуха и солнца. Белые халаты снуют туда-сюда между пациентами, у которых – что приятно – на повязках нет свежей крови. Слышатся негромкие разговоры, тихое покашливание, даже чей-то чих. Этот легкий шум не прерывают ни вопли боли, ни хруст костей. Никто здесь не умирает. «Возможно, все, кто мог, уже умерли».

Шейда нетрудно найти – и на сей раз он не притворяется спящим. Нога у него по-прежнему задрана, но она покоится на более удобном подвесе, а плечо заново перевязано. Повернувшись направо, он с мужественным выражением лица смотрит на соседнюю койку. Мне не видно, кто там. С двух сторон висят занавески, отделяя того, кто занимает койку, от остальных обитателей лазарета. Когда мы подходим, я вижу, что губы Шейда быстро движутся, шепча слова, которые я не могу разобрать.

Он замолкает, заметив меня, и я чувствую себя обманутой.

– Ты только что разминулась с громилами, – говорит он, отодвигаясь, чтобы дать мне место на койке. Сиделка подходит, чтобы помочь, но Шейд движением раненой руки отсылает ее.

«Громилы» – давнее прозвище наших братьев. Шейд в детстве был мелковат и часто служил боксерской грушей для Бри. Трами был добрее, но всегда подражал силачу-брату. В конце концов Шейд стал достаточно смышленным и проворным, чтобы избежать обоих – и научил тому же самому меня. Не сомневаюсь, теперь он отослал их, чтобы иметь возможность с глазу на глаз поговорить со мной – и с тем, кто лежит за занавеской.

– Они меня уже довели до ручки, – отвечаю я с улыбкой.

Для посторонних мы – просто болтающие брат с сестрой. Но Шейд все понимает, и его глаза темнеют, когда я подхожу к изножью кровати. Он замечает мою притворную хромоту и чуть заметно кивает. Я делаю то же самое. «Я поняла тебя, Шейд, шумный и милый».

Прежде чем я успеваю спросить про Кэла, раздается знакомый голос. Услышав его, я скриплю зубами и заставляю себя сохранять спокойствие.

– Как тебе остров, девочка-молния? – спрашивает Фарли с задернутой занавесками койки рядом с Шейдом.

Она свешивает ноги на пол и поворачивается ко мне, вцепившись обеими руками за одеяло. Боль искажает ее милостивое лицо, изуродованное шрамом.

От этого вопроса нетрудно уклониться.

– Еще не поняла.

– А полковник? Как он тебе нравится? – продолжает Фарли, понизив голос.

Взгляд у нее осторожный и непроницаемый. Невозможно угадать, что она хочет услышать. Поэтому я жму плечами и принимаюсь поправлять Шейду одеяло.

Ее губы искривляет нечто вроде улыбки.

– Он с самого начала производит сильное впечатление. Хочет доказать, что ни на секунду не ослабляет бдительности, особенно рядом с такими людьми, как вы двое.

Я немедленно огибаю кровать Шейда и становлюсь между Фарли и моим братом. К сожалению, я забываю, что надо хромать.

– Поэтому он забрал Кэла? – спрашиваю я резко. – Нельзя было оставлять такого воина на свободе, чтобы самому не выглядеть скверно?

Фарли опускает глаза, словно от стыда.

- Нет, - негромко отвечает она. Это звучит виновато, хотя я и не понимаю, за что она извиняется. - Полковник забрал принца не поэтому.

В моей груди расцветает страх.

- Тогда почему? Что он сделал?

Фарли не успеваает ответить.

Странная тишина окутывает лазарет, заглушая разговоры медиков, стук моего сердца и слова Фарли. Занавески скрывают от нас дверь, но я слышу звук быстро шагающих ног. Все молчат, хотя несколько солдат салютуют, лежа на своих койках, когда шаги приближаются. Я вижу чьи-то ноги в щель между занавеской и полом. Черные кожаные ботинки, облепленные мокрым песком, которые с каждой секундой все ближе. Даже Фарли вздрагивает при этом зрелище и впивается ногтями в простыню. Килорн придвигается, наполовину заслонив меня собой, а Шейд изо всех сил пытается сесть прямо.

Хотя это - лазарет, полный раненых Красных, моих так называемых союзников, отчасти мне хочется призвать молнию. Электричество вспыхивает в моей крови - оно достаточно близко, чтобы я дотянулась до него, если понадобится.

Из-за занавески появляется полковник - его красный глаз полон гнева. К моему удивлению, пристальный взгляд полковника устремляется на Фарли. На некоторое время он забывает обо мне. Сопровождающие его солдаты - судя по форме, Озерные - напоминают моего брата Бри, только бледнее и мрачнее. Но в целом - груды мышц, высотой с дерево. И очень дисциплинированные. Они отработанным движением становятся по бокам от полковника, в ногах кроватей Шейда и Фарли. Сам полковник стоит посередине, заблокировав Килорна и меня. «Он доказывает, что у него все под контролем».

- Прячешься, капитан? - спрашивает полковник, поигрывая занавеской, которая окружает койку Фарли.

Она ощетиливается, услышав оскорбление. Когда он громко цокает языком, Фарли заметно съеживается.

- Ты достаточно умна, чтобы знать, что присутствие публики тебя не спасет.

- Я старалась сделать все, о чем вы просили, - и трудное и невозможное, - возражает она.

Ее руки дрожат, но не от страха, а от гнева.

- Вы оставили мне сотню солдат, чтобы победить Норту - целое государство. Чего вы ожидали, полковник?

- Чтобы ты привела обратно побольше, чем двадцать шесть!

Это жестокий упрек.

- Я ожидал, что ты окажешься умнее семнадцатилетнего мальчишки. Я ожидал, что ты защитишь своих людей и не станешь бросать их на растерзание Серебряным волкам. Я ожидал большего от тебя, Диана, гораздо большего, чем ты сделала!

Диана. Это удар на добивание. Ее настоящее имя.

Гневная дрожь сменяется стыдом – Фарли превращается в пустую оболочку. Она смотрит себе под ноги, не отрывая глаз от пола. Я хорошо знаю это выражение. Так выглядит сломленная душа. Если ты заговоришь, если двинешься, то упадешь. Фарли уже начинает колебаться, изничтоженная полковником, его словами и звуком собственного имени.

– Это я ее убедила.

Отчасти мне хочется, чтобы мой голос дрожал – пусть этот человек думает, будто я его боюсь. Но я повидала кое-что похуже, чем какой-то солдафон с кровавым глазом и скверным характером. Похуже и пострашнее.

Я осторожно отталкиваю Килорна и двигаюсь ближе.

– Это я была за Мэйвена и его план. Если бы не я, ваши люди остались бы в живых. Их кровь на моих руках.

К моему удивлению, полковник лишь посмеивается.

– Мир не вращается вокруг тебя, Мэра Бэрроу. Солнце не садится и не встает по твоей команде.

«Я имела в виду другое». Но даже мысленно эти слова звучат глупо.

– Не бери на себя чужие ошибки, – продолжает он и вновь поворачивается к Фарли. – Командовать ты больше не будешь, Диана. Хочешь возразить?

На одно короткое, ослепительное мгновение кажется, что она возразит. Но тут же Фарли опускает голову, уходя в себя.

– Нет, сэр.

– Лучшее решение, принятое тобой за последние несколько недель, – отрывисто произносит полковник и разворачивается, чтобы уйти.

Но Фарли еще не побеждена. Она вновь поднимает глаза.

– А как же моя миссия?

– Миссия? Какая миссия? – Полковник, кажется, скорее заинтригован, чем сердит. – Его здоровый глаз живо обращается на нее. – Мне не известно о каких-либо новых приказах.

Фарли переводит взгляд на меня, и я ощущаю странное родство. Даже потерпев крах, она еще продолжает сражаться.

– У мисс Бэрроу есть интересное предложение, которым я намерена заняться. Надеюсь, командование согласится.

Я почти улыбаюсь ей; это заявление, сделанное в лицо такому противнику, придает мне храбрости.

– Что за предложение? – спрашивает полковник, расправив плечи.

С близкого расстояния отчетливо видны кровавые завитки у него в глазу. Они медленно дрейфуют, как облака на ветру.

– Я получила список имен. Это Красные, как мой брат и я, родившиеся с мутацией, которая дала им... особые умения. – Я должна убедить его, должна. – Их можно разыскать, сбереечь, обучить. Они Красные, но такие же сильные, как Серебряные. Они способны сразиться с ними в открытом бою.

В моей груди клокочет рваное дыхание, которое дрожит при мысли о Мэйвене.

– Король знает про этот список, и он, несомненно, убьет всех, если мы не найдем их первыми. Он не оставит в живых столь мощное оружие.

Полковник несколько секунд молчит. Он размышляет, двигая челюстью. И теревит пальцами тонкую цепочку, которая уходит под воротник. Я мельком замечаю золотые звенья у него между пальцев. Это дорогая вещь, которой не бывает у солдат. Интересно, у кого он ее украл.

– И кто дал тебе этот список? – наконец спрашивает полковник ровным голосом, который трудно разгадать. Для солдафона он удивительно ловко скрывает свои мысли.

– Джулиан Джейкос. – Слезы наворачиваются на глаза при этом имени, но я не позволю им скатиться.

– Серебряный, – с усмешкой произносит полковник.

– Он сочувствует нам, – немедленно возражаю я, ошетинившись. – Его арестовали за то, что он спас капитана Фарли, Килорна Уоррена и Энн Уолш. Он помогал Алой гвардии, он был заодно с нами. И возможно, из-за этого он погиб.

Полковник покачивается на каблуках, продолжая хмуриться.

– О, твой Джулиан жив.

– Жив? Он еще жив? – потрясенно переспрашиваю я. – Но Мэйвен сказал, что убьет его...

– Странно, не правда ли? Странно, что король Мэйвен оставил в живых изменника... – Полковник явно наслаждается моим удивлением. – Очевидно, Джулиан никогда и не был твоим союзником. Он всучил тебе список, чтобы ты передала его нам и чтобы Гвардия бросилась на бессмысленные поиски, которые приведут ее в очередную ловушку.

«Кто угодно может предать кого угодно». Но я отказываюсь считать Джулиана предателем. Я достаточно хорошо его понимаю – и знаю, кому он верен по-настоящему. Мне, Саре и всем, кто способен бросить вызов королеве, убившей его сестру.

– И даже если – ЕСЛИ – список верен и это имена других... – Полковник пытается подобрать слово, не особо стараясь быть деликатным. – ...Существ вроде тебя, что тогда? Мы сумеем опередить лучших агентов короля, охотников, которые быстрее и сильнее нас? Мы попытаемся организовать массовый исход тех, кого сумеем спасти? Откроем школу уродов имени Бэрроу и потратим много лет, чтобы научить их драться? Мы перестанем думать обо всем остальном – о страданиях людей, о детях-солдатах, о казнях... ради них? – Он качает головой, так что на шее у него напрягаются толстые мышцы. – Война будет кончена, и наши тела успеют остыть, прежде чем мы хоть чего-то добьемся, согласившись на твое предложение.

Он смотрит на Фарли, накаляясь.

– То же самое скажут все члены командования, Диана, поэтому, если только ты не хочешь снова выставить себя душой, советую помалкивать об этом.

Каждое его слово – как удар молота, который вбивает меня в землю. В чем-то он прав. Мэйвен действительно пошлет своих лучших людей, чтобы

выследить и убить тех, чьи имена в списке. Он постарается держать дело в секрете, и это его замедлит, но не фатально. У нас, несомненно, имеются и другие задачи. Но если у какого-нибудь человека, похожего на меня и на Шейда, есть хоть один шанс, разве мы вправе ему отказать?

Я открываю рот, чтобы сказать это полковнику, но он вскидывает руку.

- Больше ничего не желаю слушать, мисс Бэрроу. И, прежде чем вы успеете свысока намекнуть, будто я пытаюсь вам помешать, вспомните свою присягу. Вы дали клятву служить Алой гвардии, а не личным мотивам.

Он обводит рукой комнату, полную раненых солдат. Все они пострадали, сражаясь за меня.

- А если их лиц недостаточно, чтобы вас уговорить, вспомните о своем друге и о том положении, в котором он здесь находится.

«Кэл».

- Вы не посмеете причинить ему вред.

Кровавый глаз полковника темнеет, делаясь багровым от ярости.

- Посмею - чтобы защитить своих людей.

Уголки его глаз приподнимаются. Это намек на улыбку.

- Как посмели и вы. Не ошибитесь, мисс Бэрроу. Пытаясь добиться своего, вы уже навредили многим, и в первую очередь принцу.

На мгновение кажется, что кровь застилает мои собственные глаза. Все, что я вижу, - красная пелена бешенства. Искры вспыхивают на кончиках пальцев, танцуют под кожей, но я стискиваю кулаки и сдерживаюсь. Когда пелена пропадает, над головой мигают лампы - это единственное свидетельство моей ярости. Полковник ушел, предоставив нам кипеть в одиночестве.

- Спокойней, девочка-молния, - произносит Фарли, и ее голос мягче, чем я когда-либо слышала. - Все не так плохо.

- Неужели? - выговариваю я сквозь стиснутые зубы.

Страшно хочется взорваться, выпустить наружу свою подлинную суть и показать этим слабакам, с кем они имеют дело. Но тогда я, в лучшем случае, окажусь в камере, а в худшем - получу пулю. И мне придется умереть, зная, что полковник прав. Я и так уже причинила много вреда, и всякий раз - самым близким людям. «Но я думала, что это для пользы дела, - говорю я себе. - Ради будущего».

Вместо того чтобы посочувствовать мне, Фарли выпрямляется, садится и наблюдает, как я исхожу гневом. Пристыженная девочка, какой она была минуту назад, исчезает с пугающей быстротой. Еще одна маска. Она подносит руку к шее и вытаскивает золотую цепочку, такую же, как у полковника. Я не успеваю удивиться этому совпадению, поскольку замечаю, что на цепочке что-то висит. Шипастый железный ключик. Не нужно спрашивать, что он отпирает.

Казарму номер один.

Фарли, с ленивой улыбкой на лице, беспечно бросает его мне.

– Ты сейчас поймешь, что я прекрасно умею отдавать приказы.. и совершенно не умею их выполнять.

Глава 7

Килорн ворчит всю дорогу из лазарета до плаца. Он шагает медленно, вынуждая и меня замедлить шаг. Я пытаюсь не обращать на него внимания – ради Кэла, ради нашего дела, – но когда я в третий раз слышу слово «глупо», то резко останавливаюсь.

Килорн врезается мне в спину.

– Прости, – говорит он, но в его голосе я не слышу никакого раскаяния.

– Нет, это ты прости, – отзываюсь я и разворачиваюсь, чтобы взглянуть на него.

Гнев, который вызвал у меня полковник, переливается через край, и мои щеки жарко краснеют.

– Мне страшно жаль, что ты постоянно ведешь себя как полный придурок и не можешь понять, что происходит на самом деле.

Я ожидаю, что Килорн прикрикнет на меня, в своей обычной манере ответит ударом на удар. Но он втягивает воздух и отступает на шаг, изо всех сил стараясь успокоиться.

– Думаешь, я настолько глуп? – спрашивает он. – Пожалуйста, Мэра, просвети меня. Рассей тьму. Что такое ты знаешь, чего не знаю я?

Слова так и рвутся наружу. Но двор слишком открыт, полон солдат полковника, бойцов Гвардии и беженцев, которые снуют туда-сюда. Хотя тут нет Серебряных, способных прочесть мои мысли, нет камер, следящих за каждым движением, я не стану давать себе волю. Килорн, вслед за мной, смотрит на группу солдат, которые трусцой пробегают мимо.

– Думаешь, они за тобой шпионят? – насмешливо спрашивает он, понизив голос до издевательского шепота. – Да брось, Мэра. Мы здесь все на одной стороне.

– Правда? – спрашиваю я.

Должно же и до него дойти!

– Ты слышал, как назвал меня полковник. Существо. Урод.

Килорн краснеет.

– Он не хотел тебя обидеть.

– Да? Ты так хорошо его знаешь?

К счастью, на это ему нечем возразить.

– Полковник смотрит на меня как на врага. Как на бомбу, которая вот-вот взорвется.

- Он... - Килорн запинаяется, сомневаясь в собственных словах, даже когда они срываются с его губ. - Но ведь он не совсем не прав, так?

Я разворачиваюсь так стремительно, что каблуки моих ботинок оставляют черные отметины на бетоне. Хотелось бы мне оставить точно такую же отметину на глупом лице Килорна.

- Ну перестань, - говорит он вдогонку, несколькими быстрыми шагами сокращая расстояние между нами. Но я продолжаю идти, и он не отстает. - Мэра, остановись. Я неверно выразился...

- Ты глуп, Килорн Уоррен, - говорю я через плечо. Безопасная гавань - казарма номер три, - возвышаясь впереди, манит меня. - Глуп, слеп и жесток.

- Ну, ты тоже не подарок! - кричит он, наконец-то превратившись в язвительного спорщика, каким был всегда.

Не отвечая, я буквально бегу к двери казармы. Тогда Килорн вцепляется в мое запястье и останавливает меня.

Я пытаюсь вырваться, но ему известны все мои фокусы. Он затаскивает меня в темный переулок между казармами номер три и четыре.

- Отстань! - негодуяще приказываю я.

Во мне оживает маленькая частица Мариэны - так холодно и величественно звучит мой голос.

- Вот, - рычит Килорн, устремляя палец мне в лицо. - Вот ЭТО. Она.

Сильным толчком я отбрасываю его, и Килорн разжимает руки.

Он раздраженно вздыхает и проводит по рыжеватым волосам, которые торчат дыбом.

- Ты много пережила, я знаю. Мы все знаем. Тебе нужно было уцелеть среди них, а кроме того - помочь нам и выяснить, кто ты такая. Я просто не представляю, как ты это перенесла. Но ты изменилась.

Какой ты проникательный, Килорн.

- Мэйвен предал тебя, но это еще не значит, что ты совсем не должна доверять людям. - Он опускает глаза и перебирает пальцами. - Особенно мне. Я не вещь, за которой можно прятаться, - я твой друг, и я буду помогать тебе, когда понадобится, всем, что в моих силах. Пожалуйста, поверь.

Не могу.

- Килорн, не будь ребенком, - вырывается у меня.

Так резко, что он вздрагивает.

- Ты мог бы рассказать мне, что они задумали. Вместо этого ты заставил меня участвовать, заставил смотреть, как его увели под прицелом... и теперь хочешь, чтобы я тебе доверяла? Когда ты так тесно связан с людьми, которые только ждут повода, чтобы посадить под замок и меня? По-твоему, я настолько глупа?

Что-то вспыхивает в глазах Килорна – беззащитность, скрытая под маской беспечности, которую он изо всех сил старается сохранять. Это мальчик, который плакал под крыльцом моего дома. Мальчик, каким он был, когда подавлял желание драться и умереть. Я пыталась уберечь его от такой судьбы и вместо этого столкнула с опасностью, Алой гвардией и смертью.

– Я понимаю, – наконец говорит Килорн и быстро отступает на несколько шагов, так что теперь нас разделяет вся ширина переулочка. – Логично, – добавляет он, пожав плечами. – С какой стати мне доверять? Я просто ученик рыбака. Ничто в сравнении с тобой, так ведь? В сравнении с Шейдом. И с ним...

– Килорн Уоррен, – произношу я строго, как будто браню ребенка. Таким тоном говорила его мать, прежде чем исчезла. Она кричала на Килорна, когда он обдирает коленки или заговаривал без разрешения. Больше я почти ничего о ней не помню – только голос и испепеляющие, полные разочарования взгляды, которые она устремляла на единственного сына.

– Ты знаешь, что это неправда.

Мои слова звучат как низкий, злобный звериный рык. Килорн расправляет плечи и сжимает кулаки.

– Докажи.

Мне нечего ответить. Понятия не имею, чего он от меня хочет.

– Прости, – выдавливаю я, на сей раз вполне искренне. – Прости, что я такая...

– Мэра, – на мое плечо ложится теплая рука, и я перестаю запинаться.

Килорн возвышается надо мной, так близко, что я чувствую его запах. Хорошо, что теперь от него пахнет не кровью, а солью. Он купался.

– Не извиняйся за то, что они сделали с тобой, – негромко произносит он.
– Тебе никогда не придется просить за это прощения.

– Я... я вовсе не считаю, что ты глуп.

– Кажется, я еще не получал от тебя таких комплиментов.

Молчание. Килорн натянуто улыбается, заканчивая разговор.

– Я так понимаю, ты что-то придумала?

– Да. А ты хочешь мне помочь?

Пожав плечами, он раскидывает руки и обводит широким жестом базу.

– А что еще делать ученику рыбака?

Я снова пихаю его, и он искренне улыбается. Но ненадолго.

Кроме ключа, Фарли выдала мне подробные указания насчет казармы номер один. Здесь, как и на материке, Алая гвардия охотно пользуется туннелями, и тюрьма Кэла, разумеется, расположена под землей.

Ну, практически под водой. Идеальная тюрьма для живого огнемета. Выстроенная под причалом, скрытая океаном, охраняемая синими волнами и синими униформами солдат полковника. Это не только тюрьма, но также и склад оружия, казармы Озерных и личные апартаменты полковника. Туда можно войти через туннель, который начинается в ангаре на берегу, но Фарли уверила меня, что есть и другой путь. «Ты, возможно, вымокнешь», – предупредила она с кривой усмешкой. Лично мне не по душе перспектива нырять в море, даже неподалеку от берега, однако Килорн раздражающе спокоен. Более того, он полон радостного предвкушения: долгие годы ученичества наконец-то могут ему пригодиться.

Близость океана притупляет обычную бдительность Гвардии, и даже Озерные расслабляются, по мере того как наступает вечер. Солдаты, с винтовками на плечах, больше смотрят на груз и ангары, чем патрулируют базу. Те немногие, которые остались на посту, меряют шагами бетонный двор. Они ходят медленно и рассеянно, то и дело останавливаясь поболтать друг с другом.

Я долго наблюдаю за ними, делая вид, что слушаю маму и Гизу, которые переговариваются за работой. Обе раскладывают постельное белье и одежду в разные стопки, вместе с несколькими другими беженцами разгружая ничем не примечательные ящики. Я вроде как должна помогать, но думаю совсем о другом. Бри и Трами нет – они ушли к Шейду в лазарет, – а папа сидит рядом. Разгружать ящики он не может, зато ворчливо распоряжается. Он в жизни не складывал белье.

Папа пару раз перехватывает мой взгляд и замечает, как у меня подрагивают пальцы и перебегают глаза. Он всегда угадывал, что я затеяла, и сегодня – не исключение. Он даже слегка откатывается на кресле, чтобы не загоразивать мне обзор. Я киваю ему, благодарная в душе.

Здесь охранники похожи на Серебряных в Подпорах – до введения Мер, до Выбора Королевы. В нашей тихой деревушке, где бунты случались редко, сотрудники безопасности были ленивы и довольны жизнью. Как же они ошибались. Они понятия не имели о моем воровстве, о черном рынке, об Уилле Свистке, о медленном наступлении Алой гвардии. Эти охранники тоже слепы – и я воспользуюсь их безалаберностью.

Они не замечают ни моих взглядов, ни Килорна, который приносит поднос с рыбным рагу. Мы с радостью его уплетаем, особенно Гиза. Пока Килорн не смотрит, она наматывает волосы на палец, так что они падают с плеча волнистым огненно-рыжим водопадом.

– Свежий улов? – спрашивает она, указав на миску с рагу.

Килорн морщит нос и делает вид, что кривится при виде серых кусков рыбьего мяса.

– Старина Калли не пустил бы это в оборот. Разве что на корм крысам.

Мы хором смеемся – я по привычке, запоздав на долю секунды. В кои-то веки Гиза выглядит менее утонченно, чем я; она, не стесняясь, весело хохочет. Я всегда завидовала ее заученно-вежливому поведению. Теперь я жалею, что дворцовая выучка мешает мне с такой же легкостью отбросить наигранную сдержанность.

Мы глотаем обед; только папа вываливает содержимое из миски, когда думает, что я не вижу. Неудивительно, что он худеет. Прежде чем я успеваю сделать ему выговор (или, еще хуже, прежде чем это успевает сделать мама), он проводит рукой по одеялу, щупая ткань.

– Сделано в Пьемонте. Чистый хлопок. Дорогая штука, – бормочет он, заметив, что я стою рядом.

Даже при дворе пьемонтский хлопок считается дорогим – это распространенная замена шелку. Его носят охранники высокого ранга, Стражи, военные. Помню, одежду из такой ткани носил Лукас, вплоть до той минуты, когда погиб. Я вдруг понимаю, что никогда не видела его в штатском. Даже представить этого не могу. И лицо Лукаса уже стирается из моей памяти. Еще несколько дней – и я забуду человека, которого отправила на смерть.

– Краденый? – вслух спрашиваю я, проводя рукой по одеялу в попытке отвлечься.

Папа продолжает исследование и щупает ящик. Прочные толстые доски, недавно выкрашенные белой краской. Единственный отличительный знак – темно-зеленый треугольник, размером меньше моей ладони, отпечатанный в углу. Не знаю, что он означает.

– Или дареный, – говорит папа.

Не нужно слов, чтобы понять, что мы думаем об одном и том же. Если здесь, на острове, вместе с нами находятся Озерные, значит, у Алой гвардии могут быть друзья где угодно, среди разных народов, в разных королевствах. «Мы кажемся слабыми, потому что сами того хотим».

Украдкой, быстро и тихо – никогда не думала, что папа на это способен, – он берет меня за руку.

– Будь осторожна, девочка.

Ему страшно, а я полна надежды. Корни Алой гвардии уходят глубже, чем я думала. Глубже, чем могут вообразить себе Серебряные. Полковник – лишь один из многих руководителей, как и Фарли. Он мне точно не друг, но с ним я как-нибудь справлюсь. В конце концов, он не король. Королями я уже сыта по горло.

Как и папа, я выливаю рагу в трещину в бетоне и заявляю:

– Я доела.

Это условный сигнал. Килорн вскакивает.

Мы собираемся навестить Шейда, ну или, по крайней мере, так мы говорим вслух для тех, кто поблизости. Моя семья понимает, в чем дело, даже мама. Она посылает мне воздушный поцелуй, когда я отхожу, и я ловлю его и прижимаю к сердцу.

Подняв воротник, я превращаюсь в обыкновенную беженку, а Килорн – вообще никто. Солдаты не обращают на нас внимания. Мы запросто пересекаем бетонный двор, шагая прочь от берега, по толстой белой линии.

В ярком дневном свете я вижу, что бетон тянется вплоть до пологих холмов, напоминая широкую дорогу в никуда. Нарисованная краской линия идет дальше, и от нее под углом отходит более тонкая и истертая «ветка». Она упирается в еще одно здание, возвышающееся над всеми остальными постройками. Оно напоминает увеличенную копию ангаров на берегу – такое высокое и широкое, что в него вполне могут поместиться шесть транспортов, поставленных друг на друга. Интересно, что в нем находится – учитывая, что Гвардия не брезгует воровством. Но двери надежно заперты, и в тени

стоят несколько Озерных. Они переговариваются, не выпуская из рук винтовок. Мое любопытство останется неудовлетворенным, возможно навсегда.

Мы с Килорном поворачиваем направо, к проему между казармами номер восемь и девять. Высокие окна темны и безлюдны – эти строения пусты. Они ожидают новых солдат, беженцев или, хуже всего, сирот. Я вздрагиваю, когда мы проходим мимо.

До берега нетрудно добраться. В конце концов, Так – это остров. Хорошо развита только база, а остальная территория Така пуста. Она покрыта лишь дюнами, немногочисленными купами старых деревьев и холмами, поросшими высокой травой. Трава даже не примята – здесь нет достаточно крупных животных, способных проложить тропы. Мы исчезаем среди колеблющихся на ветру стеблей и пробираемся по зарослям, пока не оказываемся на берегу. Причал – в сотне метров от нас. Он напоминает широкий нож, рассекающий волны. С такого расстояния Озерные похожи на темно-синие пятнышки, которые движутся туда-сюда. В основном они глазят на грузовое судно, которое показалось по ту сторону причала. Я раскрываю рот при виде такого огромного корабля, которым, очевидно, управляют Красные. Килорн не отвлекается.

– Идеальное прикрытие, – говорит он и начинает разуваться.

Следуя его примеру, я сбрасываю ботинки без шнурков и старые носки. Но когда он стаскивает через голову рубашку, обнажив знакомое поджарое тело, мускулистое от многолетнего таскания сетей, я медлю. Мне вовсе не хочется шнырять вокруг секретного бункера полуголой.

Килорн складывает рубашку поверх ботинок, явно слегка волнуясь.

– Я так понимаю, это не спасательная операция.

Да. Нам все равно некуда деваться с острова.

– Я просто должна его увидеть. Рассказать ему про Джулиана. Объяснить, что происходит.

Килорн морщится, но все-таки кивает.

– Туда и обратно. Ничего сложного, тем более что они не ожидают вторжения со стороны моря.

Он потягивается, разминает ноги и руки, готовясь плыть. Одновременно Килорн припоминает указания, которые шепотом дала нам Фарли. На дне бункера есть круглый люк, который выходит в исследовательскую лабораторию. Некогда ею пользовались, чтобы изучать подводную жизнь, а теперь она служит полковнику личными апартаментами, хотя днем он там никогда не бывает. Туда легко проникнуть, и коридоры бункера не так уж запутанны. В это время суток жилые помещения пусты, проход со стороны причала перекрыт, и охраны внутри немного. Мы с Килорном гораздо сильнее рисковали в детстве, когда сперли для папы ящик с батарейками с поста охраны.

– Не плещись, – говорит Килорн, заходя в воду.

Его кожа покрывается мурашками, отзываясь на осенний холод, но он почти не обращает на это внимания. А я обращаю – к тому моменту, когда вода достигает мне до талии, я уже стучу зубами. Бросив последний взгляд на причал, я подныриваю под волну, и она промораживает меня до костей.

Килорн без всяких усилий рассекает воду – он плывет как лягушка и почти не производит шума. Держась рядом, я пытаюсь подражать ему. Мы плывем вперед, и вода каким-то образом обостряет мое ощущение электричества, позволяя почувствовать провода, ведущие с берега в глубину. Я могла бы проследить их путь, если бы хотела – движение энергии с причала в море, к казарме номер один. Наконец Килорн поворачивает, так что мы оказываемся сначала диагонально к берегу, а потом параллельно. Он быстро движется вперед, и краденые лодки, стоящие у причала, загораживают нас. Раз или два он касается под водой моей руки и слегка пожимает ее, подавая знак. Стой, плыви, медленней, быстрее – и все это время Килорн не сводит глаз с пристани. К счастью, там разгружают грузовое судно, и все солдаты, которые могли бы заметить наши головы в воде, заняты. Снова ящики, сплошь белые, с зеленым треугольником. Еще одежда?

«Нет», – думаю я, когда один из ящиков падает и приоткрывается.

На причал вываливается оружие. Винтовки, пистолеты – в ящике их десятка полтора. Они блестят в лучах солнца. Новенькие. Еще один подарок для Алой гвардии, еще одна глубинная связь, о существовании которой я не подозревала.

Эта мысль придает мне сил – я обгоняю Килорна, хоть мышцы у меня и болят. Я ныряю под причал, оказавшись вне поля зрения тех, кто стоит наверху. Килорн следует за мной вплотную.

– Бункер прямо под нами. – Его шепот причудливо раскатывается, отражаясь от железа над нашими головами и воды вокруг. – Я буквально ногами чувствую.

Я едва сдерживаю смех при виде того, как Килорн вытягивается и сосредоточенно морщит лоб, пытаюсь нащупать ногой секретный бункер.

– Что смешного? – ворчит он.

– Ты молодец, – отвечаю я с озорной усмешкой.

Приятно быть с ним вот так, снова иметь общую тайную цель. Хотя на сей раз мы намерены вломиться в военный бункер, а не в чей-то плохо запертый дом.

– Здесь, – наконец говорит он и исчезает под водой.

А затем выныривает и широко раскидывает руки, чтобы удержаться на плаву.

– Тут угол.

Теперь – самое трудное. Нырнуть в удушливую, затягивающую темноту.

Килорн с легкостью читает страх на моем лице.

– Просто держись за мою ногу, вот и все.

Я едва могу кивнуть.

– Ладно.

«Отверстие – в нижней части бункера, в двадцати пяти футах под водой». Фарли сказала: «Сущие пустяки». «А мне так не кажется», – думаю я, глядя в темноту под ногами.

– Килорн, Мэйвен будет страшно разочарован, если меня убьет море, а не он.

Кому другому эта шутка показалась бы несмешной. Но Килорн тихо смеется, и на фоне воды его улыбка кажется ослепительно яркой.

– Я бы очень хотел разочаровать короля, – вздыхает он, – но давай все-таки постараемся не утонуть, хорошо?

Подмигнув, он ныряет – кувырком через голову, – и я хватаюсь за его ногу.

Соль щиплет глаза, но под водой не так темно, как я думала. Солнце пробивается в глубину, рассеивая тень причала. Килорн движется быстро, увлекая нас обоих вниз, вдоль стены бункера. Причудливо преломленный свет покрывает пятнами его голую спину, делая Килорна похожим на морское животное. Я старательно гребу ногами, когда могу, и сосредотачиваюсь на том, чтобы ни за что не зацепиться. «Это еще не двадцать пять футов», – сердито напоминает мозг, когда легкие начинают болеть от недостатка кислорода.

Я медленно выдыхаю, и на поверхность, касаясь моего лица, поднимаются пузыри. Мимо проносятся пузыри от дыхания Килорна – единственное свидетельство его усилий. Когда он достигает низа стены, я чувствую, как напрягаются его мышцы – Килорн работает ногами, чтобы поднырнуть под потайной бункер. Я смутно задумываюсь, открыт ли упомянутый люк. Иначе нас ждет разочарование.

Прежде чем я успеваю понять, что случилось, Килорн движется вверх, сквозь какую-то дыру, таща меня следом. Застоявшийся, но такой приятный воздух ударяет мне в лицо, и я жадно глотаю его.

Сидя на краю отверстия и болтая ногами в воде, Килорн ухмыляется.

– Ты бы и одного часа в лодке не продержалась, – говорит он, качая головой. – Да это просто курорт по сравнению с тем, что заставлял меня проделывать старина Калли.

– Ты умеешь ударить по больному, – сухо замечаю я, подтягиваясь и влезая в личные апартаменты полковника.

В помещении холодно, его освещают низко висящие лампочки, и все тут до отвращения опрятно. У правой стены копится аккуратно сложенное старое снаряжение, вдоль левой тянется стол. Его поверхность сплошь покрыта аккуратными рядами папок и бумаг. Поначалу я даже не замечаю кровать – узкую койку, которую можно выкатить из-под стола. Очевидно, полковник спит немного.

Килорн всегда был рабом своего любопытства, и теперь тоже. Роняя капли, он подходит к столу и явно собирается его исследовать.

– Ничего не трогай, – шиплю я, выжимая воду из рукавов и штанин. – Если уронишь на бумаги хоть одну каплю, он поймет, что тут кто-то был.

Килорн кивает и убирает руку.

– Ничего себе, – вдруг резко произносит он.

Я немедленно подхожу, опасаясь худшего.

Килорн осторожно указывает пальцем на единственное украшение комнаты. Это фотография – она покоробилась от времени и сырости, но лица еще

различимы. Четыре человека, все светловолосые. Вид у них серьезный, но в то же время добродушный. На фотографии есть и полковник, с двумя здоровыми глазами и потому едва узнаваемый; одной рукой он обнимает за талию высокую, хорошо сложенную женщину, а другую держит на плече молодой девушки. У обеих одежда в грязи – судя по виду, они фермеры, – но золотые цепочки на шеях свидетельствуют о достатке. Я тихо достаю из кармана цепочку и сравниваю. Она такая тонкая, что рядом с украшениями на фотографии кажется ниткой. Но, не считая ни на что не похожего ключа, который на ней болтается, они одинаковы. Килорн осторожно забирает у меня ключ и гадает, что это может значить.

Все объясняет третья фигура. Девочка-подросток с длинной золотой косой – она стоит рядом с полковником и счастливо улыбается. Она такая юная, такая непохожая на себя... с длинными волосами и без шрамов.

Это Фарли.

– Она его дочь, – говорит Килорн, слишком потрясенный, чтобы сказать что-то еще.

Я подавляю желание коснуться фотографии, убедиться, что она настоящая. То, как полковник обращался с Фарли в лазарете... это же просто невозможно. Но он назвал ее Дианой. Он знает ее настоящее имя. «И у них одинаковые цепочки, одна от сестры, другая от жены».

– Пошли, – говорю я, оттягивая Килорна от фотографии. – Здесь нам нечего делать.

– Почему она ничего не сказала? – В его голосе я слышу разочарование, которое ощущаю уже не первый день.

– Не знаю.

Я держу Килорна за руку, и мы оба шагаем к двери. «Налево вниз по лестнице, на площадке направо, потом снова налево».

Дверь тихо открывается на хорошо смазанных петлях, и мы видим безлюдный коридор, почти такой же, как на подводке. Пустой и чистый, с металлическими стенами и трубами на потолке. Над головой, по сети проводов-артерий, течет электричество. Оно идет с берега, питая лампы и прочие механизмы.

Как и сказала Фарли, внизу никого нет. Никто нас не останавливает. Я подозреваю, что Фарли, как дочь полковника, имела возможность в этом убедиться. Тихие, как кошки, мы следуем ее инструкциям, осторожно делая шаг за шагом. Я вспоминаю камеры под Замком Солнца, где мы с Джулианом обезвредили целый отряд Стражей в черных масках, чтобы освободить Килорна, Фарли и несчастную Уолш. Кажется, это было так давно... а на самом деле лишь несколько дней назад. Неделю. Всего неделю.

Страшно подумать, где я окажусь еще через семь дней.

Наконец мы оказываемся в другом коридоре, покороче, который заканчивается тупиком. Три двери справа, три слева, между ними окна для наблюдения. Стекла темны, не считая самого дальнего. За ним, резкими белыми вспышками, помаргивает свет. Чей-то кулак врывается в стекло, и я вздрагиваю, ожидая, что оно треснет. Но стекло держится и лишь глухо гудит от каждого удара. Никаких последствий, кроме пятен серебряной крови.

Несомненно, Кэл слышит, как мы идем, и думает, что это они.

Когда я оказываюсь перед окном, он замирает, занеся окровавленный кулак для удара. Огненный браслет, соскользнувший вниз по мощному запястью, продолжает вращаться по инерции. По крайней мере, это радует. Озерные слишком мало знают, чтобы лишиться Кэла главного оружия. Но тогда почему он все еще в заточении? Разве он не может просто растопить окно и выйти?

На одно ослепительное мгновение наши взгляды встречаются через стекло – такое ощущение, что оно расколется. Густая серебряная кровь стекает с того места, куда пришелся удар, смешиваясь с уже высохшими пятнами. Кэл уже провел здесь некоторое время и в кровь расшиб руки, пытаюсь выбраться – или хоть немного сбросить пар.

– Заперто, – говорит он, и его голос звучит глухо.

– Да неужели, – с усмешкой отвечаю я.

Килорн, стоя рядом со мной, достает ключ.

Кэл вздрагивает, словно впервые заметив Килорна. Он благодарно улыбается, а Килорн нет. Даже не смотрит на Кэла.

Где-то в коридоре слышится крик. Потом шаги. Они странным эхом отдаются от стен и с каждой секундой становятся все ближе. Это идут за нами.

– Они поняли, что мы здесь, – шипит Килорн, оглянувшись.

Он быстро вставляет ключ в замок и поворачивает. Замок не поддается, и я наваливаюсь на дверь плечом, пытаюсь совладать с холодным безжалостным металлом.

Килорн снова нажимает на ключ. Я стою так близко, что слышу щелчок замка. Дверь открывается в ту секунду, когда из-за угла показывается солдат, но все мои мысли – только о Кэле.

Похоже, я совсем ослепла.

Незримая пелена спадает в то мгновение, когда Килорн впахивает меня в камеру. Какое знакомое ощущение. Я уже испытывала его раньше, это несомненно, но где? Однако толком задуматься я не успеваю. Кэл проскакивает мимо, вытянув свои длинные руки, и издает сдавленный вопль. Он тянется не ко мне, не к окну. К двери, которая захлопывается.

Щелчок замка отдается у меня в черепе. Снова, и снова, и снова.

– Что? – спрашиваю я у душного, застоявшегося воздуха.

Но единственный ответ – это лицо Килорна, который смотрит на нас из-за стекла. Из кулака свисает ключ, на лице – что-то среднее между угрюмой ухмылкой и рыданием.

«Прости», – беззвучно произносит он, и за стеклом появляется Озерный солдат. За ним следуют другие; они окружают полковника. Он довольно улыбается, совсем как Фарли на фотографии, и я начинаю понимать, что произошло. У полковника даже хватает наглости смеяться.

Кэл тщетно бросается на дверь, ударившись плечом о толстое железо. Он ругается от боли, бранит Килорна, меня, остров, себя. Но я едва слышу его: в моей голове звучит голос Джулиана.

«Кто угодно может предать кого угодно».

Не успев задуматься, я призываю молнию. Мои искры освободят меня и превратят смех полковника в вопли.

Но искр нет. Ничего нет. Черная пустота.

«Как в камере, как на арене».

– Молчаливый камень, – говорит Кэл, тяжело привалившись к двери. Окровавленным кулаком он указывает на пол и на потолок. – Там Молчаливый камень.

«Чтобы лишить тебя силы. Чтобы ты стала такой же, как они».

Наступает моя очередь бить кулаками по окну. Я целюсь в голову Килорна, но ударяю по стеклу, не по телу, и слышу лишь легкое похрустывание собственных костяшек, а не его тупого черепа. Несмотря на то что нас разделяет стена, Килорн морщится.

Он старательно отводит глаза – и вздрагивает, когда полковник кладет ему руку на плечо и что-то шепчет на ухо. Килорну остается лишь смотреть, как я издаю нечленораздельный вопль отчаяния, и моя кровь смешивается на стекле с кровью Кэла.

Красное сливается с серебряным в нечто темное.

Глава 8

Ножки металлического стула скребут по полу – это единственный звук, который раздаётся в нашей квадратной камере. Второй стул валяется в углу, перевернутый и сломанный (его бросили об стену). Кэл успел натворить дел в камере, до того как я сюда попала, он попортил мебель, но на стене осталась одна-единственная царапина, чуть ниже окна, в том месте, куда пришелся удар углом стола. Лично я считаю, что ломать вещи бесполезно. Вместо того чтобы тратить энергию, я ее берегу – и усаживаюсь в середине комнаты. Кэл ходит туда-сюда перед окном, как зверь в клетке. Он скушает по своему огню.

Килорн и его новый друг полковник давно ушли.

А я поняла, кто я такая – глупая рыбка, которая из одной сети попадает в другую и никак не усвоит урок. Но по сравнению с Замком Солнца, Археоном и Чашей Костей этот бункер – сущий праздник. И полковник – ничто по сравнению с королевой и строем палачей.

– Лучше сядь, – говорю я Кэлу, наконец утомившись от его навязчивых движений. – Или ты хочешь протереть ход в полу?

Он досадливо хмурится, но все-таки перестает метаться. Вместо того чтобы взять стул, принц приваливается к стене, как упрямый ребенок.

– Начинаю думать, что тебе нравятся тюрьмы, – замечает Кэл, рассеянно постукивая костяшками по стене – И что в отношении мужчин вкус у тебя весьма сомнительный.

Этот упрек ранит сильнее, чем я думала. Да, я была равнодушна к Мэйвену, гораздо сильнее, чем готова признать, а Килорн – мой лучший друг.

И они оба – предатели.

– Ты тоже не очень-то умеешь выбирать друзей, – огрызаюсь я, но Кэл и бровью не ведет. – А что касается моего вкуса... – слова так и сыплются, неестественные и неправильные, – ...то мужчины тут вообще ни при чем.

– Ни при чем. – Кэл усмехается почти весело. – А кто были последние два человека, которые сажали нас в тюрьму?

Устыдившись, я не отвечаю, а он продолжает:

– Признай, тебе нелегко разделять разум и сердце.

Я встаю так быстро, что стул падает и гремит об пол.

– Не делай вид, что ты не любил Мэйвена. Что ты сам не позволял себе думать сердцем в тех случаях, когда речь шла о нем.

– Он мой брат! Разумеется, я ничего не подозревал! Разумеется, я не думал, что он убьет нашего... нашего отца... – Голос принца обрывается при этом воспоминании, и под маской воина я вижу жалкого, измученного ребенка. – Из-за него я совершал ошибки. И... – тихо добавляет Кэл, – из-за тебя тоже.

«Как и я». Самой большой ошибкой было подать ему руку и выйти из комнаты... почему я разрешила вовлечь себя в танец, в эту спираль, ведущую вниз? Я позволила Гвардии убить невинных ради Кэла, чтобы он не отправился на войну. Чтобы оставался рядом со мной.

Мой эгоизм слишком дорого обошелся нам.

– Больше мы не будем совершать ошибки друг из-за друга, – шепотом говорю я, умалчивая о том, что имею в виду на самом деле.

О том, что уже не первый день пытаюсь внушить себе. Кэл – не тот вариант, который мне следует избрать и о котором надо думать. Кэл – просто орудие, нечто, чем я могу воспользоваться, и чем другие могут воспользоваться против меня. Я должна быть готова к любому развитию событий.

Долгая пауза – и он кивает. Такое ощущение, что Кэл считает точно так же.

Сырость казармы смешивается с холодом, который я чувствую глубоко в себе. Постепенно я привыкаю к этому ощущению – настолько, что уже не дрожу. Наверное, пора привыкнуть и к тому, что я одинока.

Не в мире, а в душе. В собственном сердце.

Отчасти наше положение вызывает у меня смех. Я снова сижу рядом с Кэлом, в камере, и жду очередного поворота судьбы. Но на сей раз мой страх разбавлен гневом. Не Мэйвен придет позлорадствовать над нами, а полковник, и за это я ужасно благодарна. Не хочу вновь сносить насмешки Мэйвена. Даже мысль о нем нестерпима.

В Чаше Костей царили пустота и мрак, она находилась глубже под землей. Мэйвен, со своей бледной кожей, яркими глазами, руками, которые тянулись

ко мне, резко выделялся на фоне темноты. В моем отравленном мозгу нежные пальцы превращаются в зазубренные когти. Они хотят пустить мне кровь.

«Я некогда велел тебе скрывать свое сердце. Зря ты не послушала».

Это были его последние слова, обращенные ко мне, прежде чем Мэйвен приговорил нас к смерти.

Такой хороший совет.

Я медленно выдыхаю, стараясь прогнать воспоминания. Но напрасно.

– Так что же мы будем делать, генерал Калор? – спрашиваю я, обводя жестом четыре стены, в которых мы заключены.

Теперь я вижу в углах очертания квадратных блоков, капельку темнее остальных. Молчаливые камни вмурованы прямо в стены.

После долгого молчания Кэл отрывается от мыслей, таких же мучительных, как мои. Радуюсь возможности отвлечься, он быстро поднимает второй стул, прислоняет его к стене, становится на сиденье, чуть не стукнувшись головой о потолок, и проводит рукой по Молчаливому камню. Для нас эта штука опаснее всего на острове, губительней любого оружия.

– Клянусь цветами, откуда они его взяли? – негромко произносит он, пытаясь пальцами нащупать край.

Но камень не движется – он идеально пригнан. Вздохнув, Кэл спрыгивает и переводит взгляд на окно.

– Кажется, проще всего разбить стекло. По-другому не выберешься.

– Но тут они слабее, – говорю я, глядя на Молчаливый камень. Он смотрит на меня в ответ. – В Чаше Костей мне казалось, что я задыхаюсь. А здесь совсем не так скверно.

Кэл жмет плечами.

– Просто тут их меньше. Но для нас достаточно.

– Краденые?

– Наверняка. Молчаливых камней в принципе немного, и только правительство имеет право ими пользоваться... по очевидным причинам.

– Да... в Норте.

Кэл, в некотором замешательстве, склоняет голову набок.

– Думаешь, их привезли еще откуда-то?

– Сюда приходят целые корабли с контрабандой из разных мест. Пьемонт, Озерный край и так далее. И разве ты не видел здесь солдат? Эту форму?

Он качает головой.

– Ничего не видел. С тех пор как этот красноглазый ублюдок вчера отправил меня сюда.

– Его называют полковником, и он – отец Фарли.

– Я бы ей посочувствовал, но моя семья намного хуже.

Я фыркаю.

– Кэл, это Озерные. Фарли, ее отец, его солдаты. Иными словами, оттуда могут прийти и еще.

Кэл слегка сбит с толку.

– Нет... исключено. Я своими глазами видел передовую, там невозможно пробраться.

Он бездумно чертит в воздухе карту. Для меня она не имеет никакого смысла, но Кэл прекрасно знает каждый дюйм.

– Озера перекрыты на обоих берегах, о Чоке речь не идет. Везти вещи и припасы – одно дело, но не людей... только не в таких количествах. Им нужны крылья, чтобы перебраться...

Я шумно выдыхаю, когда до меня доходит. Бетонный двор, огромный ангар, широкая дорога, ведущая в никуда...

Это не дорога.

Это взлетная полоса.

– Кажется, крылья у них есть.

К моему удивлению, на лице Кэла появляется искренняя широкая улыбка. Он поворачивается к окну и смотрит в пустой коридор.

– Их тактика, конечно, оставляет желать лучшего, но Алая гвардия доставит моему брату немало проблем.

Я тоже улыбаюсь. Если полковник так обращается с предполагаемыми союзниками, хотела бы я видеть, что он делает с врагами.

Наступает время ужина, и седой старик Озерный приносит поднос с едой. Он жестом велит нам обоим отойти и повернуться лицом к дальней стене, чтобы он мог просунуть поднос в приоткрытую дверь. Мы молчим и упрямо продолжаем стоять у окна. После долгого противостояния он уходит, с усмешкой уплетая наш ужин. Меня это ничуть не смущает. Я никогда не ела досыта и вполне способна пережить несколько часов без кормежки. Кэл, напротив, бледнеет, когда наша еда исчезает, и провожает тоскливым взглядом миску с серым месивом.

– Если ты хотел есть, мог бы и сказать, – ворчу я, садясь. – Какой от тебя прок, если ты голодный.

– Именно так они и должны подумать, – отвечает Кэл, с искрой в глазах. – Завтра утром, по моим расчетам, я упаду в обморок. Тогда посмотрим, как это понравится их медикам.

План, мягко говоря, ненадежный, и я неодобрительно морщу нос.

– Что, у тебя есть идея получше?

– Нет, – мрачно говорю я.

- Я так и думал.

- Ха.

Молчаливый камень оказывает на нас обоим странное действие. Он отнимает то, на что мы полагаемся больше всего - наши способности. Камера меняет нас. Кэл делается умнее и расчетливее. Он не может рассчитывать на свое адское пламя, значит, приходится включить голову. Хотя, судя по идее с обмороком, смекалка - не самая сильная его сторона.

Перемена во мне не столь очевидна. В конце концов, я прожила в неизвестности семнадцать лет, не имея понятия о своей силе. Теперь я вспоминаю ту девушку - бессердечную, себялюбивую, которая сделала бы что угодно ради спасения собственной шкуры. Если Озерный вернется с подносом, он ощутит у себя на горле мои руки - а то и молнию в костях, если нам удастся выбраться из камеры.

- Джулиан жив.

Сама не знаю, почему у меня вырвались эти слова, но внезапно они повисают в воздухе, хрупкие, как снежинки.

Кэл вздергивает голову, и его глаза вдруг яснеют. Мысль о том, что Джулиан еще дышит, ободряет принца не меньше, чем возможность освобождения.

- Кто тебе сказал?

- Полковник.

Принц фыркает.

- По-моему, он не врет.

Кэл устремляет на меня пренебрежительный взгляд, но я продолжаю:

- Полковник думает, что Джулиан - часть замыслов Мэйвена. Типа, еще один Серебряный, который меня предал. Вот почему он не верит в список.

Кэл кивает, глядя в никуда.

- Перечень тех, кто похож на тебя.

- Фарли зовет их - нас - новокровками.

- Что ж, - вздыхает Кэл, - если ты в обозримое время отсюда не выберешься, их можно будет назвать только мертвецами. Мэйвен всех выследит.

Грубо, но честно.

- Из мести?

К моему удивлению, Кэл качает головой.

- Он - новый король, который наследовал убитому отцу. Не лучший вариант для начала царствования. Высокие Дома, особенно Самосы и Айрелы, охотно ухватятся за любую возможность ослабить его. А появление новокровок, после того как он публично разоблачил тебя, уж точно не пойдет Мэйвену на пользу.

Хотя Кэла растили солдатом и воспитывали в казармах на передовой, он был рожден, чтобы стать королем. Возможно, он не так пронырлив, как Мэйвен, зато лучше многих других владеет искусством управления.

– Значит, каждый человек, которого мы спасем, нанесет Мэйвену удар не только на поле боя, но и в политике.

Кэл криво улыбается, прислонившись спиной к стене.

– Ты слишком часто говоришь «мы».

– А тебя это смущает? – спрашиваю я, пуская пробный шар.

Если я уговорю Кэла искать новокровок вместе со мной, у нас действительно появится шанс опередить Мэйвена.

Мускул у него на щеке подергивается – единственный намек на сомнения. Кэл не успевает ответить: слышится знакомый стук шагов. Кэл издает стон, досадуя на возвращение полковника. Как только принц начинает подниматься, я стремительно вытягиваю руку и заставляю его сесть обратно.

– Не вставай перед ним, – негромко произношу я и откидываюсь на спинку стула.

Кэл послушно усаживается, скрестив руки на широкой груди. Теперь, когда он не бьется о стекло и не швыряет мебелью в стену, принц выглядит мужественно и сдержанно. Груда мышц, которая сомнет любого, кто подойдет слишком близко. Если бы только ему это позволили. Если бы не Молчаливый камень, Кэл превратился бы в пылающий ад, жарче и ярче солнца. А я стала бы бурей. Но без наших способностей мы – только плоть. Мальчишка и девочка, которые сидят взаперти и ворчат.

Я изо всех сил стараюсь сохранять спокойствие, когда в окне показывается полковник. Не хочу радовать его проявлением эмоций, но, когда за плечом полковника возникает Килорн, с холодным и суровым выражением лица, я невольно вздрагиваю. Теперь очередь Кэла удерживать меня – его ладонь ложится на мое бедро и заставляет сидеть.

Полковник несколько секунд смотрит на нас, словно запечатлевая в памяти зрелище заключенного принца и девочки-молнии. Меня охватывает желание плюнуть на окровавленное стекло, но я удерживаюсь. Затем он отворачивается и что-то показывает длинными изогнутыми пальцами. Они сгибаются раз и другой, кого-то подзывая. Ну или приказывая кого-то подвести.

Она сражается, как львица, вынуждая охранников удерживать ее на весу. Кулак Фарли врезается одному из них в челюсть, и он летит на пол, разжав пальцы. Другого она вбивает в стену, зажав его голову между локтем и окном соседней камеры. Ее удары жестоки, рассчитаны на то, чтобы причинить максимум вреда, и я вижу на лицах охранников лиловые синяки. Но солдаты стараются не сделать ей больно; их задача – не мучить Фарли, а просто удерживать.

Наверно, это приказ полковника. Он обеспечит дочери камеру, а не следы побоев.

К моей досаде, Килорн не стоит в стороне. Когда охранники прижимают Фарли к стене, держа за плечи и за ноги, полковник делает повелительный жест в сторону рыбацкого мальчишки. Дрожащими руками тот достает серую коробочку. Внутри поблескивают шприцы.

Я не слышу голос Фарли сквозь стекло, но нетрудно прочесть слова по губам. «Нет. Не надо».

– Килорн, стой!

Стекло холодное и гладкое под моей рукой. Я стучу по нему, пытаюсь привлечь внимание Килорна.

Но, вместо того чтобы послушаться, он расправляет плечи и поворачивается спиной, чтобы я не видела его лица. Полковник, наоборот, смотрит на меня, а не на шприц, который погружается в шею Фарли. Что-то странное мелькает в его здоровом глазу – может быть, сожаление? Нет, это человек, не умеющий сомневаться. Он сделает все, что должен, кому бы он ни был должен.

Килорн, закончив свою работу, отходит с пустым шприцем в руке. Он стоит и наблюдает, как Фарли бьется в руках охранников. Но ее движения замедляются, а веки тяжелеют, когда лекарство начинает действовать. Наконец она повисает в руках Озерных без сознания, и они волокут ее в камеру напротив нашей. Они кладут пленницу на пол и запирают дверь, заточив Фарли точно так же, как Кэла – и как меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65368587&lfrom=936834961) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.